

00.01.02
К93

**Л. М. Курманова
Ф. С. Эфендиев**

**ТВОРЧЕСТВО ПОЭТОВ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Северо-Кавказский государственный институт искусств

Л. М. Курманова
Ф. С. Эфендиев

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
КУЛЬТУРЫ

Нальчик
Издательство М. и В. Котляровых
2009

Рекомендовано учебно-методическим советом СКГИИ

Р е ц е н з е н т

Г. В. Драч, доктор философских наук, профессор,
декан факультета культурологии и философии ЮФУ

Курманова Л. М., Эфендиев Ф. С.

К93 Творчество поэтов Кабардино-Балкарии в контексте национальной художественной культуры. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. – 96 с.

В работе рассматриваются философские аспекты литературного наследия выдающихся поэтов Кабардино-Балкарии – Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова; предпринята попытка соотнести его с представлениями, определяющими стратегию мировосприятия современного человека, рассматривая их творчество как некую структуру, обуславливающую особенности мышления, мировоззрения и культурного поведения человека.

Предназначено культурологам, философам, историкам, занимающимся вопросами развития этнокультуры, а также преподавателям, аспирантам и студентам филологических образовательных учреждений.

© Л. М. Курманова, 2010

© Издательство М. и В. Котляровых,
2010

ВВЕДЕНИЕ

Личность художника всегда не проста и многогранна, часто не только творческое наследие автора, но и собственно сам художник воспринимается как символ эпохи. Фигуры Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова давно стали символическими как в культуре Кабардино-Балкарии, так и в культуре мира. Поэтому их творчество может быть предметом не только литературного и философского, но и историко-культуроведческого анализа, который позволяет раскрыть специфичность мироздания и самосознания творцов, чей духовный опыт нашел воплощение в целостной и одновременно противоречивой картине мира.

Целостное и адекватное восприятие картины мира как универсальной категории и ее отдельных компонентов повлекло за собой взаимодействие философских, этических, культурологических, исторических, религиозных подходов, обеспечивающих всесторонний анализ этого сложного явления. Многочисленные труды в области исследования названных творческих личностей свидетельствуют о неиссякаемом интересе к указанной проблеме, однако интерес ученых чаще всего ограничивается самим творческим актом – проблема вдохновения, таланта, мастерства.

Процесс обновления общества требует обращения к колоссальному художественно-культурному потенциалу, накопленному человечеством. Освоение духовного наследия и бережного с ним обращения дает возможность выявить живые, развивающиеся художественно-культурные ценности, без которых немислимо общественное и личностное развитие.

Недостаточно изученной остается проблема личности со своей самобытной судьбой, поступками, образом жизни и ее вклад в культуру народа. Сложность проблемы заключается в том, что психологическое своеобразие развития личности творца в каждом отдельном случае столь различно, что затруднительно обнаружить какой бы ни было инвариант. Между тем феномен творческой личности, предполагающий изучение скрытых, но прочных форм сопряжен-

ности творческого дара художника и его образа жизни, стиля общения, мотивации деятельности, типа активности – большая философская, психологическая проблема. Становится актуальным изучение отображения картины мира в произведениях поэтов Кабардино-Балкарии.

Художественная картина мира, ее визуализация в творчестве и художник как трансформатор общехудожественной картины мира в свою индивидуальную картину мира стали ключевыми в нашем диссертационном исследовании, выполненном на материале жизни и творчества поэтов: Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова.

В рамках данного исследования также делается попытка соотнести творчество поэтов КБР с современными представлениями, определяющими стратегии мировосприятия современного человека; рассмотреть их творчество как некую фундаментальную структуру, обуславливающую особенности мышления, мировоззрения и культурного поведения человека. В целом, создана предпосылка проследить механизм взаимодействия художественной культуры и философии.

Художественная мысль современности поднялась на качественно новый уровень, прониклась стремлением к более полному отображению человеческих проблем, конфликтов во всей их сложности и многообразии. Естественно поэтому, самый пристальный интерес художников слова вызывают сегодня конфликты внутри психологического типа, конфликты, обращенные в сферу духовности и нравственности человека.

Тема культуры, быта, истории, традиций и обычаев народа прослеживается с самых первых работ поэтов Кабардино-Балкарии: Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова. За отдельными характеристиками, наблюдениями, оценками, содержащимися в их трудах, прослеживается определенная система взглядов на историко-культурный процесс. Они понимают культуру как накопление опыта, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих частную личную жизнь отдельного человека, устанавливающих и совершенствующих отношения между людьми, не делает различия между понятиями *культура*, *история* и *цивилизация*. Их трактовка культуры, восходящая к исконному значению этого слова – «возделывание», в то же время близка к современному

пониманию культуры как способа человеческой жизнедеятельности (деятельностная концепция Ю. А. Жданова и В. Е. Давидовича), способа передачи опыта и информации. Человек и человеческое общение, связь развития человека и общественных отношений – основные аспекты в творчестве К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова.

Существуют некие признаки, отсылающие читателя к реальной истории: осознание времени, тема памяти, исторические аллюзии, приводящие в произведение через название имен, событий. На наш взгляд, история имеет место там, где в настоящее вступает момент саморефлексии, тогда и все категории вроде «триединства времени», памяти и тому подобного активизируются как следствие. Важно не упустить при этом, что саморефлексия времени осуществляется, конечно, через рефлексию творца произведения.

У К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова нет условного деления на материальную и духовную культуру. Художественная концепция личности в их произведениях формируется через концепцию нравственного выбора, определяя возможности духовной, нравственной потенции личности, гармонии слова и дела. Они признают принципиальное единство и общечеловеческий характер мировой культуры, рассуждая о месте России в историческом процессе.

Созданию концепции личности, а значит, и концепции нравственного выбора способствуют все уровни творчества поэтов: идейно-тематический, сюжетно-композиционный, вне сюжетные элементы.

В связи с ведущей ролью литературы в формировании личности поэты стараются поднять не только злободневные вопросы современности, но и раскрыть сущность человека в экстремальных условиях, когда проявляется нравственный потенциал каждого. Ситуация нравственного выбора основана на «столкновении между уровнем нравственного сознания и требованиями нравственного идеала». Поступок в ситуации нравственного выбора становится мериллом нравственности человека, уровня его сознания.

Размышляя об особенностях своего времени, и К. Мечиев, и К. Кулиев, и А. Кешоков считали, что необходимо, прежде всего, вскрывать все те негативные явления, которые тяжелыми путями обвивают мысли, разум, волю. Мы чаще всего обнадеживаем себя, что сейчас что-то не так, но в будущем будет все прекрасно. Однако то, что не зало-

жено в настоящем, не может проявиться в будущем.

К. Мечиев, К. Кулиев, А. Кешоков и их современники – соратники по перу – через все свое творчество пронесли и утверждали мысль о том, что всегда в центре внимания поэта – человек с его исканиями, нравственными проблемами, постижением смысла жизни. Поэт не может оставаться в стороне от волнующих весь мир проблем, он обязан видеть и понимать, что представляет собой современный мир, современный человек, проникнуться его мыслями, страданиями, радостями, он обязан способствовать выработке подлинно современного мышления, предвидеть, как поведет себя человек в экстремальной ситуации, способствовать обогащению внутреннего мира, развивать его культуру, предотвратить деградацию личности.

Поэты Кабардино-Балкарии (К. Мечиев, К. Кулиев, А. Кешоков) исследуют отношения человека и общества, человека и мира, человека и истории, останавливая взгляд на социокультурном аспекте. Существенным отличием их произведений является то, что философскими размышлениями насыщена сама художественная структура, основанная на национальных традициях, выражающаяся в народно-философских образах. В центре внимания поэтов – судьба духовных и нравственных ценностей в современном мире.

Всякий конкретный вид творчества – это проявление актуализирующей личности не только в науке, искусстве, общественной деятельности, но и в становлении личностной позиции, определяющей присущую именно этому человеку линию нравственного поведения. Изучение индивидуальной картины мира становится необходимым для символов эпохи, формирующих как картину мира в целом, так и художественную картину мира отдельного художника.

Собранный и систематизированный материал, а также результаты исследования могут способствовать дальнейшему изучению национальной поэзии. Материалы исследования могут быть использованы при изучении истории кабардино-балкарской литературы, при чтении курсов в гуманитарных вузах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, а также могут быть включены в программы факультативных занятий в колледжах гуманитарных направлений, в систему образования Российской Федерации в целом.

Глава 1

ПОЭЗИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ XX в.

Северный Кавказ был и остается местом взаимодействия многих культур и народов. Здесь же, наряду с другими мировыми религиями, происходит и тесное соприкосновение христианства и ислама. Все это обуславливает сложность и противоречивость развития данного региона как в прошлом, так и в настоящем. Очевидно, что настало время, когда необходимо восстанавливать традиции национальной культуры и воспитывать на них, беря оттуда все доброе и хоршее.

Этническая психология и самосознание народов Северного Кавказа непрерывно связаны с их историей и культурой. Свойственное народам Кавказа уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная не только в хронике, но и в исторических преданиях, генеалогиях, эпосе, особенности социально-экономического и культурного развития – все это обусловило формирование менталитета, тяготеющего к истории. В специфических условиях многонационального Кавказа его история с XIX в. стала полем идеологических сражений, где, как нетрудно заметить, сталкиваются различные национальные интересы.

Если взглянуть на проблему северокавказской цивилизации исходя из вышеуказанных критериев, то становится очевидным, что этот регион – «солнечное сплетение» многих культур и народов, с их много этническим характером и сложной исторической и культурной судьбой. Вклад народов Кавказа в передовую русскую культуру необычайно богат и многообразен. Без нартского эпоса, без творчества Коста Хетагурова, Сулеймана Стальского нельзя представить образованного русского. Чеченский мальчик, ставший художником Петром Захаровым, оставил для русской культуры образы просветителя Грановского, доктора Иноземцева. Уже не удивляет никого, что сын кабардинского народа Темирканов руководил

оркестром ленинградской оперы, держала в своих руках дирижерскую палочку Вероника Дударова. Великий сын чеченского народа Махмуд Эсамбаев стал символом содружества художественных культур народов всего мира, духа интернационализма и братства людей всех континентов.

Нет русской культуры без восприятия творчества азербайджанского поэта Низами Гяджева с его поэмами «Семь красавиц» и «Искандер-намэ»; духовно неполноценен тот, кто не знает «Витязя в барсовой шкуре» Шота Руставели, не слушал музыку Арама Хачатуряна, не любовался картинами Мартироса Сарьяна и Пиросмани. Русскую культуру обогатили своим творчеством Сулейман Стальский, Расул Гамзатов, Кязим Мечиев, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков.

Поэзия Кабардино-Балкарии XX в. рождена светом и добром. Она, наряду с музыкой, высшее явление культуры, опора и поддержка людей, которым не всегда живется легко и радостно. Поэзия дорога только тем, кто любит жизнь, кому на земле мило и близко все хорошее, живое, человеческое. Равнодушных она не интересуется, кому ни о чем не говорят созревание колоса и белизна облака, лицо матери и звезды над отчим домом, радость и страдания других. По нашему мнению, поэзия является и самым необходимым, как хлеб, и самым высоким, как звезды.

Поэзия может быть и скорбной матерью, сидящей у изголовья сраженного сына, и девушкой, легкой походкой проходящей мимо наших окон майским утром. Она бывает цветением вишни и грозовой молнией, улыбкой ребенка и стоном побежденного полководца. Поэзия всюду – в облаках над Казбеком, она многолика, как мир, и прекрасна, как земля. Поэзия земли не умрет.

Главный критерий в творчестве любого поэта – ответственность перед читателем, ответственность за судьбы Родины и человечества, а это предполагает высокую общественную активность, постоянную готовность к действию во имя высокой цели.

В последнее время интерес исследователей и ученых очень возрос к биографическим исследованиям поэтов Кабардино-Балкарии: Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова. Он вызван желанием глубже проникнуть в личность художника, попыткой найти в мелких и значительных событиях их жизни разгадку тайны бытия. Понятие биографии поэта или писателя сходны по типу

представления, например, авторство не универсально, а обладает исторически обусловленной конкретностью. Так, по Ю. М. Лотману, оно (понятие) возникает в определенных условиях и только в контексте можно получить реализацию. Биография любого поэта отражает его внутреннее «Я». Поступки поэта – это зеркальное отображение его переживаний, стремлений, намерений. Образ мыслей поэта всегда отличен от образа мыслей непоэта, соответственно его манеры, стиль поведения тоже необычны.

Биография художника оказывает непосредственное воздействие на его творческие образы, которые можно считать некими символами жизненных событий, определенными знаками – «дозначающими», в которых скрыто «означаемое». Практически все жизненные перипетии поэтов отражены в их творчестве.

Кабардино-Балкария – многонациональная республика, где сегодня проживают представители более ста национальностей. Историки отмечают, что первое обращение кабардинского князя Инала о подданстве России относится к 1557 г., а вошла Кабарда в состав России только в 1774 г. Балкария вошла в состав России в 1827 г. Таким образом, более чем за четырехсотлетнюю историю в республике сложилась своеобразная и уникальная национальная культура, сложный синтез которой сказался на ее социальной памяти и современной жизни.

Настоящее и будущее общества логично вытекает из сущности прошлого. Поэтому правильная оценка прошлого является не только теоретической задачей. Она важна и нужна для решения практических задач Кабардино-Балкарии в плане позитивной трансляции социального предыдущих поколений, для формирования правильных ценностных ориентаций людей, относительно собственной истории и культуры республики, влияния на мировоззрение и нравственные принципы общего социального разума и, в частности, на сознание каждого человека, проживающего на территории республики будь то русский, кабардинец, балкарец, ингуш, осетин или кто-то другой.

XX в. подверг серьезным испытаниям не только историю и культуру России, но и ее национальных окраин. Тем не менее XX в. также способствовал возрождению и укреплению культурных связей не только внутри России, но и внутри национальных культур. И ярким свидетельством позитивных процессов консолидации в

Кабардино-Балкарии двадцатого столетия является творчество ее выдающихся поэтов: К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова.

И прежде чем рассматривать их поэзию в контексте национальной художественной культуры XX в., нам представляется уместным хотя бы фрагментарно напомнить исторические события, повлиявшие на миропонимание поэтов, формирование и развитие художественной культуры республики в целом.

В процессе исторического развития на территории Кабардино-Балкарии XX в. много раз формировались различные государственные образования: так, в частности, в 1921 г. на Северном Кавказе была создана Горская автономная республика (ГАСССР), в состав которой на правах самостоятельных национально-административных округов вошла Кабарда и Балкария. В сентябре 1922 г. Кабарда вышла из состава Горской республики и образовала отдельную Кабардинскую автономную область в составе РСФСР. В январе 1922 г. Балкария изъявила желание выйти из состава ГАСССР и объединиться с Кабардой. ВЦИК РСФСР постановил образовать объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область, связанную с РСФСР. В принятой в 1936 г. Конституции СССР Кабардино-Балкарии был предоставлен статус Автономной Советской Социалистической Республики. Это давало право иметь Кабардино-Балкарии свою Конституцию, Верховный Совет, возможность реформирования всех структур власти, что и было зафиксировано в 1937 г. в Конституции КБАССР.

Как известно, в 1944 г. в связи с насильственной депортацией балкарского народа республика была переименована в Кабардинскую АССР, а в марте 1957 г., после возвращения балкарцев на свою исконную Родину, была восстановлена государственность балкарского народа, а Кабардинская АССР преобразована в Кабардино-Балкарскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В 90-е гг. XX в. решением Верховного Совета КБАССР была переименована в Кабардино-Балкарскую Советскую Социалистическую Республику, в последующем (после распада СССР) получившую название Кабардино-Балкарская Республика.

Такое подробное возвращение к истории государственности республики не случайно, т. к. позволяет ощутить мир нашей республики как непрерывное движение, ответственность за который взяли на себя не только политики и историки, но в первую очередь поэты:

К. Мечиев, К. Кулиев, А. Кешоков, чьи собственные вехи жизненного и творческого пути были тесно связаны.

Свобода и благосостояние позволяют развивать культуру, духовно совершенствоваться как в целом нации, так и отдельной личности. Дружба народов и отдельных людей – это сила, которая позволит формироваться и отшлифовываться этнокультурной и национальной идее, которая всегда существует в любом этносе. Вопрос о силе дружбы, взаимопонимания, взаимоуважения и взаимопомощи людей был для К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова объективным и необходимым процессом обновления жизни, развития культуры и искусства Кабардино-Балкарии. Исследователями верно подчеркнуто, что эти поэты были великими гуманистами XX в., поэтому поэзия так близка людям всех поколений и известна в нашей стране и за рубежом. В творчестве К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова – ярких самобытных поэтов, отражен весь ход развития национальной художественной культуры.

Мечиев Кязим Беккиевич (1859–1945) – патриарх балкарской поэзии, философ и гуманист. Основоположник балкарской поэзии и балкарского литературного языка К. Мечиев прожил нелегкую жизнь, полную испытаний, невзгод и страданий. Но это была одновременно и счастливая жизнь. На протяжении 86 лет он жил одной судьбой со своим народом, его историей и культурой. Родился К. Мечиев в далеком ауле Шики, что в Хуламо-Безенгийском ущелье Северного Кавказа. Отец его был прославленным кузнечным мастером, за что земляки прозвали его «золоторуким Бекки». Здесь же, в кузнице, и вырос Кязим. Вечерами односельчане делились новостями, удивительными легендами, народными сказаниями. С детской жадностью впитывал К. Мечиев богатство народной речи, ее эмоциональность, интонационную мобильность, мудрость и философию. Позже К. Мечиев создаст свой язык, поэтический язык Кязима, названный исследователями «с редчайшей группой крови».

Отца Кязима особенно волновала судьба мальчика, т. к. от рождения он страдал хромотой. В раннем возрасте К. Мечиева отдали учиться к эфенди, где он быстро усвоил арабское письмо, выучился читать. Большему эфенди аула Шики научить его не мог, и отец отправил Кязима в Безенги.

После трех лет занятий безенгийский эфенди посоветовал Кязиму продолжить учебу в Лескенском медресе. Здесь он изучил осно-

вы шариата, житие мусульманских пророков, историю ислама, параллельно прошел начальные курсы географии, астрономии, изучил арабскую поэзию и секреты восточного стихосложения. После окончания медресе К. Мечиев вернулся на родину, помогал отцу в кузнице, участвовал в богослужении в мечети, много читал как религиозной, так и светской литературы, с которой его познакомил эфенди Безюланы Чепеллеу, который был разносторонне образованным человеком: увлекался поэзией, философией. У эфенди была и особенная гордость для тех времен – уникальная библиотека. Молодой К. Мечиев с большим интересом читал книги из этой библиотеки, делился со своим учителем мыслями и идеями по философии, культуре, поэзии.

Главным итогом этого духовного становления стала первая книга К. Мечиева, вышедшая в 1896 г. в Темирхан-Шуре (г. Махачкала), одной из важнейших частей которой были «Поучения о чистоте человеческого тела и духа». В этом же году поэт совершил первое путешествие в Мекку. В жизни К. Мечиева еще будут и другие путешествия, но они никогда не будут только религиозными. Во время своих путешествий он изучал языки, литературу и культуру народа, сравнивая жизнь своего народа с жизнью других людей:

Избороздил я много бурных вод,
Бывал у турков, ездил я к арабам.
Бедняк повсюду как бедняк живет,
И сильный измывается над слабым.

Перевод С. Липкина

Поэт К. Мечиев с горечью констатирует бедственное положение простого народа в разных странах, а протест против несправедливости, гнета и произвола поэт мог выразить только своим оружием – стихом:

Народ меня сделал послем,
Чтоб нищее наше сословие
Своим защищал я стихом.

Перевод С. Липкина

Очень важным для понимания поэзии К. Мечиева является его стихотворение «Серый камень», написанное в 1910 г. в дни скита-

ний поэта по арабскому Востоку. По словам К. Кулиева, это поэтическое произведение является его истоками:

Серый камень сорвался с утеса,
В мрачной бездне остался лежать...
Никогда ты наверх не вернешься,
Свой утес не увидишь опять...
Я молю тебя, Господи, ныне:
Лучше в камень меня преврати,
Но остаться не дай на чужбине,
К моему очагу возврати!

Перевод С. Липкина

Высокая образность, предельная лаконичность стихотворения передают искреннюю любовь поэта к Родине, тоску по ней. Куда бы ни вела нелегкая дорога, в душе К. Мечиев всегда носил родные вершины Кавказа:

У турков, арабов проделав скитаний круги,
Я снова увидел вершины твои, Безенги.
Что может быть лучше, отраднее в мире земном,
Чем запахи кизячного дыма в ауле родном!

Перевод К. Назмулары

К. Мечиев приветствовал Октябрьскую революцию, т. к. полагал, что она вырвет его народ из бесправия и нищеты. Однако были моменты у поэта, когда он колебался и не принимал кровопролития, как всегда испытывая отвращение к насилию. В его творчестве этого периода переплетаются утраты и надежды. За советскую власть погиб его старший сын Мухаммад. О гибели сына отец написал горестно-мужественные стихи, которые стали народной песней:

Слагаю стих, но строчка тяжела мне,
И душат, душат слезы мой рассказ.
Слова стоят, недвижимые, как камни...
Мой сын, как рано ты ушел от нас!

.....
Тебя унес навеки вихрь кровавый,
Стенаньям материнским нет конца,
Но занесен ты в списки вечной славы,
Вот утешенье старого отца.

.....
Пусть я умру такой же смертью трудной,
Да будет смелость и со мной дружна,
Да будет вечен свет свободы чудной, –
Мы знаем, какова ее цена.

Перевод С. Липкина

Человеческая судьба К. Мечиева потрясает стойкостью и умением переносить все тяжелые испытания. Поэт не впадает в отчаяние, несмотря на все горести жизни: на его глазах не раз менялась эта жизнь – войны, революции, коллективизация, депортация в Среднюю Азию. И, тем не менее, не только опыт прожитых лет, но и высокая духовность, и его поэзия выработали в нем особенное спокойствие и рассудительность, которые так притягивали к нему людей. К. Мечиев был цельным человеком, мечтавшим о равенстве. Но исторические события первой половины XX в. вынуждают его напряженно думать обо всем, что видел перед собой и о чем слышал. Его совесть летописца балкарского народа всегда оставалась совестью художника, чутко вглядывающегося в изменчивый мир жизни: поэт что-то принимал, что-то отрицал, на что-то надеялся. Он чувствовал свою ответственность за людей, которые продолжали ему верить, видя как их защитник – поэт Кязим Мечиев отстаивает самые простые, но самые важные человеческие ценности: семью, дом, горы, право жить.

Поэт осознает свою миссию:

Друзья, Кязима слушайте хромого:
поэта слово есть народа слово.

И осознание своей миссии перед народом помогает ему самому, придает силы для защиты других. Он не имеет права сдаваться ни старости, ни отчаянию, ни психологической усталости. Однако постоянное беспокойство о судьбе близких не позволяет ему войти в полосу взлетности, и в период 30-х гг. XX в. он пишет мало, в основном в его поэзии преобладает мотив наставничества. В частности, в известном его стихотворении «Пионерам» (1929) К. Мечиев пишет:

Друзья мои, хочу сказать вам снова,
Что вы – надежда и расцвет земли,
Вы – все, что ярко, молодо и ново,
Хочу, чтоб вы героями росли.

На скачках состязаются джигиты, –
Любите, состязаясь, труд и честь.
И те пути, что широко открыты,
И груды книг, что вы должны прочесть.

Перевод С. Липкина

Главным прибежищем К. Мечиева в этот сложный и тревожный период оставались книги – откровенность с людьми могла привести к трагедии. Спасительным для поэта стала защита его жизни Союзом писателей СССР в лице К. Кулиева и других национальных поэтов Кавказа. Возросшие с детства на его поэзии и понимающие ему цену как поэту, они предприняли ряд акций, чтобы защитить К. Мечиева. На русский язык была переведена его поэзия, самого К. Мечиева перевезли жить в г. Нальчик и просто заставили писать стихи на злобу дня. В 1940 г. вышла его первая поэтическая книга на русском языке, которая очень разочаровала поэта, т. к., по его мнению, все мысли и слова были перевернуты, искажены. Несмотря на это, К. Мечиев был принят в Союз писателей, что для того времени являлось хорошей защитой от политических и иных репрессий.

Тем не менее, спустя несколько лет, а именно, 8 марта 1944 г. народ Балкарии подвергся депортации: в товарных вагонах, вместе со своим народом К. Мечиев отправился на поселение в далекую и неизвестную Среднюю Азию. Только вера и надежда помогли поэту фокусировать свои усилия не на ненависти, а на надежде. Чуть позже он написал:

Не озлобляйтесь на страну,
Страна здесь не при чем,
Что на чужбине, вдалеке от родины живем...
Нам стойкими пристало быть –
Прошу тебя, пойми,
Что и в несчастье надо быть людьми!

Перевод С. Липкина

Мысли и чувство переживания не за себя, а за балкарцев не покидали К. Мечиева все последние годы его жизни: что будет с народом, не огрубеет его душа за годы изгнания, не иссякнет его терпение? А нить земной жизни самого поэта становилась все тоньше и тоньше, 14 марта 1945 г. его не стало. Цепь его бесконечных скитаний замкнулась только недавно, когда на исходе XX в. поэт вернулся – К. Мечиев был перезахоронен у себя на родине, на Кавказе.

Подлинный гуманизм предполагает самое человеческое отношение к тем, кто достойно прожил свою жизнь и ушел без возврата. Как отмечено, в истории нашей страны были мрачные, трагические периоды.

Однако не только ими определяется биография еще одного из выдающихся поэтов Кабардино-Балкарии XX в. – **Кайсына Шуваяевича Кулиева (1917–1985)**. Его биография определяется верностью Отечеству, созидательным трудом и высокой духовностью. Тридцатые годы XX в. для развития личности К. Кулиева стали периодом социального наследования произведений духовной культуры. Поэт одновременно с учебой в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС) в г. Москве посещал вечернее отделение Литературного института им. М. Горького. Ему довелось познакомиться с творчеством таких мастеров, как Леонидов, Тарханов, Москвин. Его педагогами были одни из лучших в то время режиссеров – А. Попов, И. Судаков. Замечательные поэты А. Блок, В. Маяковский, С. Есенин навсегда вошли в сознание К. Кулиева в великолепном исполнении В. Качалова. Классические образцы русской и мировой литературы, как пишет в своей книге исследователь творчества К. Кулиева Н. Байрамукова, открыли ему И. Остужев, Н. Хмелев. Разнообразен был круг его читательских интересов в те годы: А. Пушкин, М. Лермонтов, Байрон, В. Белинский, Тютчев и А. Блок, В. Маяковский, Г. Флобер, В. Шекспир, Ф. Г. Лорка и другие. Многие из них остались с ним на всю жизнь:

Москва тех лет, лицо мне озарив
Невиданным до той поры свеченьем
Великих книг, сказала: «С этих нив
Снимают зерно знания – ученьем!
Дивись!»... И стаю сказочную птиц

Взметнула, где одна другой чудесней.
И стало мое небо без границ,
А мое сердце открылось песней.

Перевод Н. Гребнева

Степень и характер влияния этой учебы сказались на развитии личности поэта в различные периоды по-разному. Высокоинтеллектуальная атмосфера, проникновение в жизнь искусства, школа Станиславского обогатили дарование молодого поэта. Однако, как утверждал Ч. Айтматов, Кайсын Кулиев никогда не стремился к тому, чтобы, как принято говорить в обиходе, приобщиться к культурному наследию. По мнению поэта, он иронизировал над благоприобретенной эрудицией ради эрудиции, считал это формой духовного потребительства, иждивенчества.

Таким образом, в период адаптации К. Кулиева к русской культуре в развитии его личности значимыми стали не только реальность социального пространства, образно-знаковых систем, природная реальность и реальность предметного мира, но и социальное наследие мира культуры, общение с носителями культуры.

Как любой развивающийся, растущий человек, К. Кулиев, прежде всего, должен был адаптироваться в окружающей действительности, усвоить нормы и ценности, которые были характерны для той социальной среды, в которой он родился. А родился поэт в горах Чегема, в семье крестьянина. К. Кулиев очень рано, двухлетним, остался без отца. Эта трагедия встала в один ряд с теми начальными впечатлениями, которые острее всего вспоминались взрослому поэту. «Может быть, драматизм моих стихов отсюда и берет начало», – позднее признавался поэт¹. На завершающем этапе жизни, в 1980 г., К. Кулиев написал «Чегемскую поэму», которая содержит детские воспоминания о том периоде времени, когда поэт осиротел:

Я двухлетним мальчонкой на свете остался
Без отца и, конечно, успел позабыть
И лицо, и как пел он, и как он смеялся –
А без этого горько и трудно мне жить.

Перевод Н. Гребнева

¹ Дементьев В. В. Кавказская тетрадь. – М., 1989. – С. 43.

Столь раннее сиротство и вдовство матери наложили отпечаток на жизнь и творчество поэта, однако в автобиографии он писал: «Я ни в стихах, ни в душе никогда не сетую на свое детство, потому что оно, несмотря на трудности и лишения, было очень яркое, живописное и закалило мою душу на долгие годы»².

На склоне своих лет в «Чегемской поэме» К. Кулиев попытался воссоздать облик отца, осмыслить те «вклады», которые он все-таки успел сделать. Отец, как носитель личности, давно ушел из жизни, но, персонализированный в своем сыне, он продолжался, порождая у него тяжелые переживания, объясняемые трагичностью разрыва между идеальной представленностью отца в сознании и его материальным исчезновением. Поэма написана в форме диалога, встречи сознаний отца и давно выросшего сына. Эта встреча никогда не могла состояться в реальности, но она вполне возможна на уровне идеальной представленности, персонализации личности отца в сыне:

Отец, тебя благодарю
За дни мои на белом свете, за краски мира и зарю
В конце двадцатого столетья.
Все силы, все мои слова
Тобою мне даны навеки.
И ты, отец, не виноват
В том, что упали рано снега,
В том, что ушел из жизни ты,
Ушел нечаянно, до срока,
Но руки у тебя – чисты,
Но память о тебе – высоко!

Перевод Н. Гребнева

Отец К. Кулиева «...в жизни своей не слышал стихотворцев, не читал ни одной из написанных книг». Его книгами были окрестные скалы, и деревья на склонах, ущелья и тропы, ледники, перевалы, обвалы, снега... Поэт предполагал, что отец «...писание стихов не почел бы за дело, потому что крестьянское дело на свете самым правым и правильным делом считал».

Особое влияние на развитие личности поэта оказала его мать –

² Кулиев К. Ш. Вид с белой горы. – М., 1974. С. 116.

Узеирхан. Именно она стала идеалом, достойным подражания. «Мать была работающей крестьянкой. Она сумела нас вырастить, послать в школу, несмотря на все трудности. Ее доброта, терпеливость, трудолюбие стали первым значительным уроком для меня», – вспоминал поэт ¹. Через все творчество К. Кулиева проходит мотив родного дома, материнской самоотверженности и ласки, преклонения перед мужеством, терпением, любовью матери. Мать и сына связывало настоящее духовное единство. К. Кулиев до конца своих дней гордился этим счастьем:

Ты моя поддержка и основа.
Ты – мой суд. И нет суда иного
Дел моих и добрых и плохих.
С каждым днем я думаю все боле,
Что не прервалась меж нами связь...

Перевод Н. Гребнева

В годы Великой Отечественной войны стихи К. Кулиева получили всесоюзное признание. Так, в 1942 г. стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я!» московское радио передало в сообщениях Совинформбюро на 14 языках Европы. Как призыв к мужеству и отваге звучали в те дни слова горского поэта, воспевавшего величие Кавказа и его свободолюбивые народы:

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я.

Мне довелось из Волги пить не раз,
Ее красой душа была горда.
Но свой любимый, свой родной Кавказ
Носил в душе повсюду и всегда...

Перевод Д. Кедрина

В 1942 г. в г. Москве члены Союза писателей устроили творческий вечер в честь поэта-фронтовика К. Кулиева. На нем присутствовали А. Фадеев, Б. Пастернак, Д. Кедрин, К. Симонов и многие

¹ Кулиев К. Ш. Вид с белой горы. – М., 1974. С. 50.

другие. В эти дни К. Кулиев много раз выступал по заданию Военной Комиссии Союза писателей СССР по центральному радио, на заводах, фабриках Москвы. По словам критика Сергея Иванова, поэзия Кайсына становилась выражением патриотических чувств и настроений всего сражающегося народа.

В 1943 г. сборник стихов К. Кулиева был выдвинут на соискание Сталинской премии. Тогда ему было 26 лет. Однако в связи с депортацией балкарского народа поэту премии не дали и книгу «Горы мои» не издали. Ему предложили остаться и избрать местом жительства любой город, за исключением гг. Москвы и Ленинграда. Но он сказал: «Я пойду по дорогам моего униженного и оскорбленного народа».

Сегодня многие социальные, этнические и культурные ценности нуждаются в синтезировании и социально-философском переосмыслении. Как известно, в истории, как и в природе, существуют волны времени, ритмическая система периодов, приливы и отливы, подъемы и спады культуры.

В условиях депортации балкарского народа в Средней Азии К. Кулиев находился вне системы координат, можно сказать, в «торичеллиевой пустоте». Не смотря на все это, он не поддавался пессимизму, работал упорно и много, черпая силы в своем могучем таланте, устном народном творчестве, у классиков русской литературы. О себе он говорил в тот трудный период: «Я был исключен в 1949 г. из Союза писателей СССР, даже не имел права печатать свои произведения ни на одном языке».

Здесь следует подчеркнуть, что его поразительная стойкость, трудолюбие, способность не впадать в отчаяние в невыносимых условиях изоляции от общественной, политической, культурной жизни страны, изоляции, унижающей и оскорбляющей национальную честь и человеческое достоинство, его безграничная вера в жизнь и оптимизм заслуживают глубочайшего уважения.

Несмотря на все трудности, поэт реализовал свою творческую мощь в пространстве и во времени. Очень точно подметил композитор Родион Щедрин, что настоящий талант пробьется в любом случае. По его словам, будет ли тоталитаризм или фашизм, все равно гении – это термоядерная мощь, которая пробьет все.

После возвращения из Киргизии на родину, в свою этническую колыбель, К. Кулиев, окрыленный высоким чувством любви к род-

ной земле, продолжал работать, создавать новые произведения. В это время раскрылся его выдающийся талант. Поэт почувствовал небывалое творческое вдохновение, когда увидел родные горы в розовом снегу. Поэт мог часами стоять и слушать симфонию шума Чегемских водопадов, смотреть на полет орла, вдыхать туман в теснине ущелий, запах родной земли, ее трав, восхищаться неповторимой, своеобразной красотой ущелий, по которым всегда тосковал, будучи на чужбине. Действительно, в родном краю Космос и Природа способствовали возникновению художественных образов, философских, мифологических и религиозных символов в его специфически национальном творчестве.

К. Кулиев – не историк, но он известен как прозаик, драматург, литературный критик и публицист. К. Кулиев – поэт-фронтовик. В своих стихах он воспевал единство и сплоченность народов нашей страны против врага, любовь к отчизне и ее героическую защиту («Земля моя», «Жизнь, я твой сын», «Поэты», «Самое дорогое» и др.). Это большой цикл стихов, который поэт озаглавил «В час беды» в книге «Горы», эпиграфом к этому разделу книги К. Кулиев взял слова А. Блока: «Узнаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую звоном щита». Первое стихотворение «Перед боем» – это обращение к матери и воспоминания о родном доме: «Я родился в ущелье Чегема, средь высоких обветренных скал. Был моей колыбелью Чегем, песен горных я много слышал». В этом черпал силы для отваги и уверенности в победе:

Черноглазая смуглая мать,
В час, когда я, быть может, умру,
Любо имя твое повторять –
В нем я силу для битвы беру.

Перевод В. Звягинцевой

Суровый опыт военных лет придавал стихам К. Кулиева новые черты – мужественную простоту, сдержанную силу и гневность. Во всех стихах этого времени чувствовалось трагическое мужество бойцов трудового сорок первого, поэтому и стих уподоблялся раненому солдату («Сегодня стих мой – раненый боец»). Он поднимался, чтобы идти вперед. Находясь на фронте, думая о тревожном времени, шагая трудными дорогами войны, К. Кулиев имел право

сказать от имени своего поколения:

Мы начатых поэм не дописали,
Мы с отчих гор ушли на зов войны.
Навстречу буре боевой мы встали,
Как верные Отечества сыны.

Перевод Н. Гребнева

Эти строки К. Кулиев написал во время войны, обращаясь к своему народу. Поэт воспел многих непосредственных участников этой всенародной борьбы, находившихся в составе действующей армии, партизанских отрядов и в антифашистском подполье, в таких стихотворениях, как «Кериму Отарову», «Твоя земля» – Владимиру Сосюре, «Когда я получил твое письмо» – Салиху Хочуеву, «Поэт на фронте» – Алимю Кешокову, «Всегда гордился тем, что горец я!» – Николаю Тихонову.

Во фронтовых стихах К. Кулиева большое место занимает личность самого автора, человека предельно активного, считавшего, что его место на переднем крае борьбы. Это был образ человека-борца, олицетворяющего собой народные силы, воина-освободителя, поэта, осознавшего свою историческую миссию и воспитательную роль.

«Молодость моя под пулями шагала», – сказал поэт позже, когда отгремели салюты в честь воинов-фронтовиков, в честь Победы. Он, ее участник, видевший всю горечь поражений и радость триумфа. Возможно, поэтому тема памяти о той войне осталась на всю жизнь:

О, дети Ленинграда! И сейчас
Я помню все. И мне покоя нет,
Как будто враг опять идет на вас,
И кровь моя окрашивает снег.

Перевод Н. Гребнева

Так писал поэт в начале 80-х гг. XX в., когда ему оставалось до смерти жить два-три года. А тогда, после войны, устав от шума и пожара, К. Кулиев вслушивался в необыкновенную тишину, наступившую после долгих четырех лет народного горя и страдания, он писал: «Ты слышишь, какая стоит тишина! Прошла, словно град, отшумела война». В этой тишине в соответствии с мироощущением

героев пульсировали новые ритмы жизни, новые поэтические стихи. Лирический герой начинал новую страницу своей трудовой послевоенной биографии. Он мечтал о спокойной жизни и желал мира:

Я за мир, потому что я сам воевал,
Потому что без слез хоронил я друзей.
Как мне больно за тех, кто убит наповал
В двадцать лет, не дожив до женитьбы своей.

Перевод Н. Коржавина

Минувшая Вторая мировая война, память о фронтовых друзьях, людях долга и беззаветной отваги, борьба за мир на нашей планете долгое время оставались центральной темой в послевоенной лирике К. Кулиева. В его поэзии лирический герой осмысливал настоящий мир как результат многолетних усилий многих людей, и он мерил все в своей жизни высокими мерками фронтового поколения. В его раздумьях о настоящем и будущем – насущные вопросы человеческого бытия. Не случайно в это время в размышлениях о поэзии М. Лермонтова К. Кулиев пришел к идее большой поэтической силы и гуманистического мироощущения: «Он знал, что пепел сожженного жилья повсюду одинаково печально остывает и одинаково горько пахнет»¹. Поэтому его лирический герой, ветеран войны, осознавший свою великую историческую миссию, все вспоминал прошлое – «друзей фронтовых вспоминаю я дома» и предостерегал новое поколение о грозной опасности:

Кто-то хочет, чтоб нивы горели,
Чтоб в утробу земли,
Где мы, ставши землею, истлели,
Наши братья легли.
Мы когда-то пошли, молодые,
Под свинец и картечь,
Чтоб теперь вы не дали, живые,
Снова землю поджечь!

Перевод Н. Гребнева

Он был из отряда национальных поэтов, наиболее одержимых

¹ Кулиев К. Ш. А парус все белеет. – Нальчик, 1972. С. 51.

поэзией и заставивших слово влиять на жизнь, а не наоборот, на правах первородства, мощного культурного ренессанса балкарского поэтического слова. Первые же его поэтические строки обнаружили в нем Пришельца («Здравствуй, утро!»). Он сразу состоялся, пришел в мир, чтобы на равных говорить с народом и с природой, как брат и наперсник, и уже не терял эту связь, ставшую сутью его натурфилософии, не допуская перевеса какой-то части этой дихотомии и складываясь в особую религию жизни.

К. Кулиев, как и сотни, тысячи воинов России, защищал на фронте не просто свою высоту, свой отчий дом, а Жизнь с большой буквы, свободу всех европейских стран. Во имя этой гуманистической цели тема памяти о войне прошла через все творчество К. Кулиева, начиная от лирики военных лет до романа «Была зима», написанного в последние годы жизни поэта.

Экстатичность, космичность у К. Кулиева естественны на уровне «разговора». «Разговор», «говорю» – это самые повторяющиеся жанровые обозначения его поэзии. «Говорю»... с Луной, Одинокой чинарой, с Морем, Дождем, родной Землей и, конечно, Горой. Это – молитва Природе, Жизни, преодоление своей тревоги за ее полноту и сохранность. В ней он разрешает все поручения, которые несет в себе уже родившись, всю мировую культуру, социальные поручения своего народа, его этику, его Слово. Нам только предстоит осознать феномен К. Кулиева, хотя его последний в каталоге трехтомника «разговор» («Говорю философу») не оставляет надежд на позитивистское постижение его стихотворства, как скромно он назвал свое призвание. Ибо предмет поэзии – сиюминутность, и тут же экзистенциальные пустоты вечности. В его натурфилософии можно обозначить многие философские «измы», но с поправкой на его «феноменологию» – чистую и бесструктурную, непреднамеренную, но принятую им как основу поэтической веры.

К. Кулиев на одном из выездных заседаний Союза писателей РСФСР, проходившем в октябре 1959 г. в г. Нальчике, говорил: «Горы – это поэзия. Северокавказская этнокультура тысячелетиями связана с горами. Горы – это не только снежные вершины, но и величье, красота, это чувство чего-то великого, это вроде Бетховена или Маяковского! А с другой стороны, попробуйте жить без гор, что и реки оттуда идут, и леса там растут, и то, что необходимо нам, там рождается и находится в их недрах. Попробуйте жить без

Эльбруса и Казбека! Конечно, не надо риторически кричать «Я вас люблю, горы! Я без вас умру, горы!»). Так писать нельзя, но облик гор должен сиять в нашей поэзии. Нельзя обвинять поэзию поэтов, говоря, что горы – не тема поэзии. Так я мыслю»¹.

В наши дни многие могут писать грамотные стихи, находить для своих строк приличные рифмы. Эта сторона стихотворства поднята высоко. Но сила поэзии, надо полагать, заключена не в этом умении. Тема: поэт как личность – обширна и серьезна во всех отношениях.

В поэзии К. Кулиева – мощь гор, белизна вечных снегов, взметнувшиеся к тучам скалы и обыкновенный плетень у дома, каменистые дороги и звенящий родник, мятежные реки ущелий и притихшие деревья, зеленая чинара и засохшая ольха, дождь над пашней и звезды над белыми хребтами, луна над ущельем и маленькие дворiki аула. Радость и страдание людей, их любовь и горе, праздники и похороны – все это окружает природа, принимая участие во всех событиях. В своих песнях горцы в час торжества или беды нередко обращаются к горе, скале, дереву, реке, дороге, звездам, призывая их в свидетели, ища у них помощи, считая их опорой, поддержкой, утешением. Влюбленный, глядя на горы, поет о возлюбленной, веря, что скалы понимают его и разделяют его чувства. Сраженный стрелой или пронзенный кинжалом герой, умирая, обнимет камень или траву, и последние его слова слышат они.

Когда миру угрожает опасность разобщения и вражды, поэзия, как сила всеобщая, служащая не злобе и ненависти между народами, а их братству, становится связующим звеном, голосом предостережения и совести, человечности и честности.

Выдающиеся создания поэзии неповторимы, в каком бы краю ни рождались, и они вливаются в общую сокровищницу человеческой культуры, так, двигаясь вперед, и будет двигаться мировая поэзия, в создании которой принимают участие все народы, взаимно обогащая друг друга, внося свои неповторимые черты и оттенки, учась друг у друга. Так рождаются многообразие и мощь поэзии.

Из учителей К. Кулиева прежде всего следует назвать К. Мечиева, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока. У них он учился мастерству, творчески воспринимал их поэтические традиции. А дальше –

¹ Кулиев К. Ш. Поэт всегда с людьми. Москва, 1987. С. 127

С. Есенин, Б. Пастернак – такие разные и такие неповторимые художники. Б. Пастернак научил К. Кулиева говорить одновременно о самом простом, элементарном, но и о самом высоком. В зрелый период, как в стихотворной судьбе, так и в духовном развитии поэта Кулиева большую роль играл А. Твардовский.

Утверждение подлинного гуманизма всегда ставит множество сложных и трудных задач. Социальное зло – реальная сила, и без победы над ним нет добра. К. Кулиев глубоко понимал эту истину, он, видевший так много жестокого, бесчеловечного в своей жизни, воспевал в своих стихах мужественного, стойкого человека, умеющего вести непримиримую борьбу со злом и несправедливостью.

У К. Кулиева нет упрощенного, прямолинейного представления о гуманизме. Его гуманизм связан с реальной жизнью, а реальная жизнь всегда противоречива, раздвоена на добро и на зло.

Все самое лучшее, что было накоплено за всю историю существования балкарского народа в его гено типе, было воплощено в К. Кулиеве. Он был и остается восходящей энергией духовной и нравственной культуры своего народа. Он осознавал это, когда писал в стихотворении «Старым горским мастерам»:

Я – ваш внук, который рожден
В старом доме, созданном вами,
Пуповиной соединен
С этим краем, с его камнями.

Перевод Н. Гребнева

С 1957-го по 1985 г. К. Кулиев опубликовал более 60 книг, сотни статей в центральных и местных журналах и газетах. Он вошел с полным правом в отечественную и мировую художественную культуру как один из выдающихся поэтов-гуманистов. О нем высоко отзывались известные литераторы страны и мира: А. Фадеев, Б. Пастернак, Н. Тихонов, К. Симонов, Ч. Айтматов, М. Керим, А. Кешоков, Р. Гамзатов, Робер Мерль из Франции, Марта Вебер из Германии, Николай Христозов из Болгарии, Альберт Расмусен из США, Витольд Домбровский из Польши и другие.

Глубина философской мысли, талантливая простота изложения, умение проникать в человеческую душу и искренне раскрывать ее переживания – вот те качества лирики К. Кулиева, позволившие

обрести ему известность. А. Тарковский писал о том, что творчество К. Кулиева получило не только всесоюзное признание, но и мировое. Об этом говорили в свое время видные критики нашей страны. К. Кулиев – поэт небольшого по численности народа, мало кому известного за рубежом, но благодаря ему его поэзию узнали, что есть такой этнос – балкарцы – на Северном Кавказе. Вот как просто он говорил о своих земляках:

На земле этой жили люди разных судеб.
Воду горную пили, ели трудный свой хлеб.
Негасимое племя, что их предки зажгли,
Охраняли веками люди этой земли.
Согревал человека негасимый костер,
Как пылал он от века, так как горит до сих пор.
Жар костра не остынет. Ведь и после меня
Кто-то хворост подкинет, посидит у огня.

Перевод Н. Гребнева

К. Кулиева волновали интересы всего человечества, и в какой бы стране мира он ни был, он смог художественным словом сказать добрые слова о нем. Об этом свидетельствуют такие его произведения, как «Дождь в Братиславе», «Строки любви к Праге», «Прощание с Прагой», «В горах Монголии». «Стихи, написанные в городе Скопле», «Земля – наш дом» и многие другие. В стихотворении «Дом и мир» мы читаем:

Я отчий край любил всегда.
Где ел я хлеб, где пил я воду,
Но я любил и города,
Любил края, где не был сроду.
Прошу я мир: не будь суров
И не лишай тепла и кровя
Людей всех сущих городов
И края моего родного!

Перевод Н. Гребнева

Переводчик его стихов на болгарский язык Николай Христовозов писал, что Кайсын Кулиев – сын своего времени. Век долго не думал – оставил ему великое право говорить от имени Человека. Может быть, этим и объясняется чувство планетарности в его поэзии.

Кайсын Кулиев – это сконцентрированная энергия духовной жизни балкарского народа, но его поэзия принадлежит и другим народам нашей страны, которых он воспел в своих стихах. И в этом тоже заключается гуманизм Кулиева как человека и поэта, который воспел не только родную землю, но и красоту других стран. («Стихи, написанные по пути из дальних стран», «Стихи, написанные по пути из Польши»). Поэтому не случайно, что его книги изданы на 80 языках народов России, СНГ и на 40 языках стран дальнего зарубежья.

К. Кулиев всегда отличался тем, что он глубоко и искренне уважал культуру других народов, их обычаи и традиции; восхищался творениями мастеров зарубежных стран; увлекался народным творчеством среднеазиатских республик; поэтическими сокровищами Грузии, Армении, Азербайджана; знал особенности украинской, белорусской, молдавской, латвийской, литовской и эстонской культур.

В творческой деятельности и жизненной позиции К. Кулиева мы имеем дело с особым культурным, духовным и нравственным явлением, значение которого еще недостаточно осмыслено и оценено, и каждое новое поколение будет обращаться к творчеству К. Кулиева, чтобы понять сложные вопросы жизни, смысл бытия, восхищаться его поэзией, гармонией Земли и Космоса, тем, что он так великолепно воспел божественное творение – природу: красоту гор, даль степей, луну над рекой, созревшие колосья пшеницы, хлеб и розу, горные речушки, высокогорные луга и пастбища. Прославил он и труд хлебопашцев и скотоводов, всех тех, кто созидает на земле. Его творчество впитало в себя великие гуманистические идеи Низами, Пушкина, Петрарки, Бетховена, Шопена, Лермонтова, Лорки. Этот взлет духовного творчества горского поэта нередко именуется «необъяснимым раскрытием кулиевского таланта». Заслуги К. Кулиева перед своим народом велики. Он своей творческой деятельностью доказал, что и малочисленные народы обогащают мировую культуру, как малые звезды освещают небосклон, и их звездный свет также необходим.

В течение всей жизни он воспевал родные места, вспоминал родительский дом. Этнография поэта касается, прежде всего, материальной и духовной культуры горских народов, особенностей быта и нравов его родных земляков. Это и воспевал поэт, многократно воз-

вращаясь к одним и тем же темам: к теме детства, родного аула, трудолюбивой горянки, гор и скал как символа мужества и терпения. А природа – это особая любовь в его творчестве. Обращаясь к ней, мы видим, как поэтически воспроизведена родная природа:

Горели звезды на снегах вершин,
Клубились тучи над седым аулом,
Ревел поток, метался и спешил,
И горы глухо отзывались гулом.

Перевод Н. Гребнева

Здесь черпал вдохновение поэт, отсюда его корни и поэтическое мышление.

К. Кулиев – это одна из вершин отечественной и мировой культуры. Его поэзия органически переплетается с судьбами человечества и перекликается с самыми актуальными социальными интересами современности. Выступая на обсуждении книги К. Кулиева «Раненый камень» 25 февраля 1965 г. в Московской писательской организации, А. Твардовский говорил: «Кайсын Кулиев – поэт маленького народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии. Если сделать некое арифметическое вычисление, то можно сказать, что народ Кайсына Кулиева – народ удивительно одаренный: если бы у нас было такое соотношение, то у нас прекрасных поэтов должно быть 7 тысяч. Кайсын Кулиев в своих стихах говорит от имени своего народа, но он – поэт всего мира. Вот что потрясает в его стихах»¹.

Многие отечественные редакции центральных газет и журналов ушедшего века часто обращались к К. Кулиеву с просьбой, чтобы он написал статью по актуальным вопросам развития литературы, культуры и искусства. Так, работник редакции журнала «Вопросы литературы» А. Дмитриев просил Кулиева написать статью о роли взаимосвязи в развитии литературы. В своем письме он писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич! Прошу вашей помощи. Она сейчас очень нужна, обещанная вами статья о роли взаимосвязи в развитии литературы, то, о чем мы с Вами подробно договорились перед Вашей болезнью. Через свой творческий опыт, такой богатый, связанный со многими писателями, литературами, Вы можете поставить и

¹ Твардовский А. Т. Письма Кайсыну Кулиеву. Нальчик, 1987. С. 45.

очень важные проблемы – ведь в изоляции большая культура никогда не развивалась. А с другой стороны, не так-то просты проблемы влияний, как это порой кажется нашим ученым мужам. Вот почему страниц 12 (можно и больше), конечно, если расширяться. Материалы эти надо прислать мне к 12 мая, а то начальство съест меня... Вся наша редколлегия поздравляет Вас с наступающими праздниками. Очень хочется с Вами повидаться. Всех, всех Вам благ. С горячим приветом А. Дмитриев»¹.

Особую роль и популярность поэт заслужил, когда вышла книга «Так растет и дерево». Так, одна читательница, Минкова Валентина Александровна, писала: «...за добро и радость полагается благодарить, так сказали Вы, Кайсын Шуваевич, в своей книге «Так растет и дерево». За эту книгу Вам низкий поклон до самой земли. Это не книга, это богатство, которым Вы, накопив его по крупицам, делитесь с нами, читателями. Спасибо Вам за эту щедрость. Будучи этим летом в Пятигорске, я по совету гида купила Вашу книгу. Как я была ему благодарна, могла бы в спешке не заметить ее, пройти мимо, какая это была бы утрата для меня! Книга Ваша поражает своей простотой и доходчивостью. Вы – балкарец – изъясняетесь легко и доходчиво на русском языке, пишете легко и свободно. Я завидую Вашим знаниям моего языка и преклоняюсь перед Вами».

Книги К. Кулиева издавались во многих городах Европы, Азии, Америки, Африки. Это свидетельство общепризнанной значимости его произведений в духовной и культурной жизни людей многих стран. В его книгах мы видим призыв обратиться к культурному наследию всех народов, изучать его. Именно в этом обнаруживается глубокий гуманистический пафос, мировиденческий смысл его идей и принципов, значение социально-философского наследия творчества одного из самых интересных поэтов XX в. По словам узбекской поэтессы Зульфийи, поэзия К. Кулиева самозабвенная, щедрая, дышит небом, вершинами гор, душой народа. Таких высказываний известных писателей и просто поклонников поэзии Кулиева очень много. Так, Галина Константиновна Никитина из г. Ленинграда писала в октябре 1975 г.: «Вашу поэзию знаю и люблю уже давно, слежу за всеми новыми книгами, что появляются даже в пе-

¹ Эфендиева Т. Е, Эфендиев С. И, Эфендиев Ф. С. Кайсын Шуваевич Кулиев. Нальчик, 2000. Т. 3. С. 238.

риодике. Ваших сборников купить невозможно, но и проза Ваша взволновала меня по особенному, взяла душу в плен. Ваша книга «Так растет и дерево» покорила меня всем: и мыслями, и языком, и подборками имен, среди которых нашла поэтов, чье творчество мне бесконечно дорого, несущее в себе высокий гуманизм, трепет и любовь ко всему существу. Книга вобрала в себя размышления многих лет, которые выкристаллизовывались и засверкали с удивительной силой. При чтении книги меня настойчиво преследовала мысль о близости жизненной философии. Так просто и так высоко Вы поделились своими мыслями о назначении поэта и поэзии. Я благодарю Вас за чистый пламень радости, за пронизательную душевную боль, которую я испытала, прикоснувшись к прекрасному искусству слова, за то, что в Вашей душе горит любовь к Лорке, Твардовскому, Арсению Тарковскому и многим другим поэтам, что Вы нашли такие прекрасные слова для них, так смогли выразить их суть. У меня от Ваших слов стоял комок в горле. Кулиев – это искренний, вдохновенный поэт, редкий человек. Вы очень нужны людям! Как много душевного во всех Ваших словах, как много мужества, героизма, чистоты, нежности в Ваших стихах! Как сильно Вы любите человека и родину, и всю красоту мира». Из этих и других многочисленных высказываний и оценок видно, что К. Кулиев пользовался любовью читателей, их уважением.

В архиве К. Кулиева хранится более 10 тысяч писем и телеграмм, полученных им; записи около 250 его выступлений на международных конгрессах и конференциях солидарности стран Азии и Африки, на симпозиумах и съездах писателей СССР, РСФСР, союзных республик, литературных декадах.

Первого января 1967 г. в «Литературной газете» была опубликована статья К. Кулиева «Мир вечно молод». Это было поздравление поэта, обращенное ко всем. Он писал: «Поэзия сейчас ответственна перед людьми как никогда. Она призвана мужественно противостоять врагам молодости мира, угрожающим атомным оружием и всеми достижениями техники. Но я, как миллионы людей, верую в молодость жизни и будущее мира...»¹.

Прошедший XX в. был трагическим. Россия в этом веке, как известно, пережила три революции (1905–1907 гг., Февральскую и

¹ Кулиев К. Ш. Мир вечно молод // Литературная газета. 1967. Янв.

Октябрьскую 1917 г.) и три войны: русско-японскую (1904–1905), Первую мировую (1914–1918) и Великую Отечественную (1941–1945). В годы Второй мировой войны погибло 56 миллионов человек, свыше 90 миллионов ранено, 28 миллионов стали инвалидами. Все это незаживающая и кровоточащая рана. Трагический опыт писателей разных поколений воплотился в художественные произведения, которые составили единую русскую литературу XX в., уже ушедшего в прошлое и ставшего историей века.

XXI столетие должно быть веком не только информационных технологий, но и временем идей гуманизма, взаимопонимания между всеми народами, чтобы не было братоубийственных войн на всей планете.

Всеобщая гармония Космоса, Земли и Человеческого рода – глобальная проблема. Но ведь ее решение – это веление времени! Подчеркивая смысл человеческого бытия, К. Кулиев в одной из своих записных книжек писал: «Благословенный запах хлеба, тепло детских пеленок – все это основа и симфония жизни»:

Люди, не можем достичь мы предела:
Лучшее слово и лучшее дело –
Все еще впереди,
Все еще впереди,
Иди!
Самая звучная песня – не спета,
Самая лучшая женщина – где-то.
Все еще впереди...
Горе забудется, чудо свершится,
Сбудется то, что покуда лишь снится.
Все еще впереди...
Не подводите покамест итога,
Самая светлая ваша дорога
Все еще впереди...
Созданы лучшие в мире творенья
Не оттого ли, что жизнь – предвкушенье
Всего, что еще впереди,
Иди!

Перевод Н. Гребнева

В творческом сознании поэта век может быть протяженностью в тысячу лет или годовщиной события, бывшего тысячу лет тому на-

зад, может предстать мигом жизненных явлений, общественно-политическим осмыслением событий. Оно может выступать и как символ, как знак, и как художественный образ, несущий в себе обобщение и отражающий объективную действительность. Время в национальном мироощущении художника может отражаться в различных художественных формах, стилях и выражениях. А. Ф. Лосев писал о типах мироощущения: о созерцательном типе, который содержит в себе много логики и спокойствия, много красок и пластических элементов. Другой тип, по А. Ф. Лосеву, идет от глубины, а не с поверхности, перспективен, иррационален, отражает внутреннее движение вещи... – это мир слуховых устремлений сознания.

В поэтической лирике К. Кулиева много реально-исторических символов, и их многомерность обусловлена и логикой развития мысли поэта, его зрительными и слуховыми устремлениями сознания, а также разнообразными структурно-семантическими конструкциями стихосложения. При этом временные и пространственные категории выступали в его поэзии как художественные символы. А символ всегда есть обобщение:

Белый парус в морской показался дали,
Словно ветры его к нам сюда привели
Из далеких краев, из промчавшихся лет,
Как известье от тех, кого в мире уж нет.

Перевод Л. Шерешевского.

Нам еще только предстоит глубоко изучить в социально-философском плане и осмыслить содержание поэзии К. Кулиева, но, тем не менее, из множества проблем XX в. центральной и определяющей у поэта была задача изучения человека как целостного начала. По утверждению поэта, началом и главным предметом всякого философствования является человек. И эту главную проблему прошлого столетия К. Кулиев поднял на самый высокий уровень социально-философского обобщения.

Большую роль в развитии кабардинского стихосложения, любовной и пейзажной лирики, драматической поэмы сыграло творчество еще одного выдающегося поэта Северного Кавказа – Алима Пшемаховича Кешокова (1914–2001), который родился в селе Ша-

лушка Чегемского района Кабардино-Балкарии. Первое стихотворение А. Кешокова увидело свет в 1931 г., в год его семнадцатилетия. В 1935 г. он окончил Северо-Кавказский педагогический институт, затем поехал в Москву, в аспирантуру нерусских школ. В 1938 г. А. Кешоков призвался в ряды Красной армии, служил в Белоруссии, в Бобруйске. В 1940 г. он был демобилизован и, вернувшись на родину, возглавил научно-исследовательский институт краеведения в г. Нальчике. Итогом его работы в этот период стал выход на кабардинском языке «Нартских сказаний» (1940) под его редакцией и предисловием. В самом начале войны вышел первый сборник стихов А. Кешокова «У подножия гор», который он взял с собой на фронт.

С самого начала Великой Отечественной войны до декабря 1941 г. А. Кешоков принимал участие в охране черноморского побережья от немецкого десанта в районе г. Хоста. В декабре 1941 г., когда была сформирована 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, А. Кешоков в ее составе был направлен на передовую в район г. Ростова-на-Дону. Несмотря на то что бойцы сражались стойко, в тяжелейших боях с танками и мотопехотой противника дивизия долго отступала, а после оборонительных боев на Волге, потеряв около пяти тысяч всадников, была расформирована.

За участие в обороне Сталинграда А. Кешоков был награжден медалью «За оборону Сталинграда». После ранения он был направлен в качестве сотрудника армейской газеты в 51-ю армию, вместе с ней А. Кешоков шел на запад: Донбасс, Запорожье, освобождение Крыма, бои в Прибалтике, штурм Кенигсберга. Победу майор А. Кешоков встретил в Литве.

В июне 1945 г. по просьбе областного комитета компартии Кабардино-Балкарской АССР он был демобилизован и назначен народным комиссаром просвещения республики. Работать ему приходилось много, т. к. необходимо было восстанавливать не только разрушенное хозяйство, но и культуру, образование. Вместе с тем А. Кешоков продолжал писать стихи, в 1946 г. вышел его поэтический сборник «Путь всадника» – начало творческого расцвета поэта А. Кешокова. В начале 50-х гг. XX в. он поступил в Академию общественных наук ЦК КПСС, а после ее окончания работал на ответственных должностях – заместителя Председателя Совета Министров республики, заместителя Председателя Верховного Совета

РСФСР. В 1959 г. А. Кешоков был избран секретарем Союза писателей РСФСР, а в 1971 г. – секретарем правления СП СССР и председателем правления Литфонда СССР, на посту которых он сумел многое сделать не только для культуры России, но и для культуры своего народа.

А. Кешоков – автор многих десятков поэтических сборников, пьес, поэм, стихов для детей. Его романы «Вершины не спят» (1960–1966), «Сломанная подкова» (1973 г., удостоена премии им. М. Шолохова), «Восход луны» (1979), «Грушевый цвет» (1981), «Сабля для эмира» (1982) и другие произведения – обширные полотна народной жизни и культуры, начиная с первых лет борьбы за советскую власть на Северном Кавказе, Великой Отечественной войной и кончая событиями конца XX в.

В начале творческого пути А. Кешокова герои его поэзии предстают молодыми романтиками, которые являются носителями идеи вечного движения:

Стрелой несется конь мечты моей.
Вдогонку ворон каркает угрюмо.
Вперед, мой конь! Мою печаль и думу
Дыханьем ветра встречного обвей.
Вперед, вперед, не ведаю преград,
Сквозь вихрь, и град, и снег, и непогоду.
Ты должен сохранить мне дни и годы,
Вперед, вперед, куда глаза глядят!

Перевод Б. Пастернака

Эволюция кешоковского героя отражает эволюцию самого поэта. Можно четко проследить отход от традиционных образов к современному реалистическому видению мира, его реалистическую зрелость в послевоенный период, углубляется гуманистическое начало в лирике поэта. Seriously углубляется психологизм поэзии А. Кешокова, постижение жизни художником, поэт органически приобщается к думам и чаяниям простого народа, расширяет диапазон своего творчества. Мы видим это в стихотворениях «Сердце», «Друзья за окном», «Яблоня» и др. Своеобразную декларацию морального и эстетического кредо поэта и гражданина А. Кешокова мы видим в следующих строчках:

Чтоб мой народ сказал свое сужденье:
– Хорошим сердцем обладал поэт! –
Чтоб не во мне – в моем стихотворенье
Ты, сердце, продолжало биться много лет.

Перевод С. Липкина

Относясь к своему таланту поэта и писателя со всей ответственностью, А. Кешоков никогда не шел на сделки со своей совестью. В годы депортации он выпустил сборник стихов «Путь всадника», где было напечатано стихотворение, посвященное репрессированному балкарскому поэту и другу К. Кулиеву. В середине 50-х гг. XX в. он открыто и без боязни выступал против «обобществления» крестьянских коров, что могло погубить горские деревни и души селян. В годы антикешоковской травли, когда его называли «кабардинским Солженицыным», поэт категорически отказался от сделки с властью. В этой жестокой жизни нужно обладать поистине железным характером, чтобы уберечь свой дар поэта от всяких соблазнов и компромиссов, будучи на высоких должностях. Пример этому, когда в 1975 г. решение вопроса о Государственной премии СССР зависело от самого поэта, А. Кешоков нашел в себе мужество не пойти на компромисс с совестью и собственными представлениями о правде. Престижную премию А. Кешоков не получил, ибо не отказался от своих убеждений.

А. Кешокова не в чем упрекнуть, кроме его твердости в своих убеждениях, аскетической скромности и взыскательности к самому себе:

Рассуждая о стихах моих,
Упрекнул меня мой друг любезный:
– Все прекрасно, но, увы, твой стих
Иногда мне кажется железным!
Я ответил другу: – Не беда,
Право, не печалюсь я нимало.
Если между строчек иногда
Слышится чеканный звон металла.

.....
Я мечтаю, чтобы мне помог
В старости моей идти над бездной
Посох с наконечником железным,
Твердым, как металл чеканных строк.

Перевод Н. Гребнева

Умудренный жизнью борца, А. Кешоков создал свои знаменитые стихи – раздумья, стихи – итоги. Но это не завершение пути поэта, а лишь более углубленное внимание к явлениям, чувствам и мыслям, которые уже были раньше, но в новой форме своего движения:

Впрямь чаша мудрости горька,
Испить до дна не хватит духу,
И я пустил ее по кругу,
Отпив не более глотка.

Перевод Я. Козловского

Современные изменения в общественной жизни России требуют всестороннего социально-философского осмысления, так как страна в конце XX в. была охвачена глубоким социально-экономическим и духовно-нравственным кризисом.

В российской действительности часто ломаются веками сложившиеся культурные отношения: традиция коллективности, этнопсихологическая совместимость как исторически неотъемлемая черта образа жизни различных народов, национальная терпимость. Люди конца XX в. стали очевидцами того, как разрушался менталитет народа, шло резкое расслоение общества на богатых и бедных, современная молодежь видит, как идет процесс деинтеллектуализации общества, девальвации национальных культурных ценностей. В результате этого проявляются глубокие противоречия в общественной и культурной жизни. В этом также кроются причины нравственного падения общества и духовного вакуума современности. Культурный и моральный нигилизм способствует возникновению и развитию многих негативных явлений в общественной жизни.

Таким образом, изучив творческое наследие и его роль в художественной культуре Кабардино-Балкарии XX в., мы пришли к следующим **выводам**:

– национальное возрождение и основные тенденции развития современной художественной культуры горских народов претерпели также определенные изменения. Процесс взаимодействия, межкультурный диалог, учет менталитета каждого этноса и особенностей национального характера, горский этикет, выработанный исторически, всегда преобладали в регионе Северного Кавказа, уникаль-

ном и древнейшем очаге человеческой цивилизации;

– поэты Кабардино-Балкарии – К. Мечиев, К. Кулиев, А. Кешоков – стали культурным стандартом, эталоном духовности. Их выношенные и выстраданные мысли и чувства, отлитые в стихи и прозу, драматургию и критические статьи, эссе, рецензии, литературные портреты, предисловия, открытые письма, опубликованные в книгах, в центральных и местных газетах, журналах – многократно служат, выступают в современной науке и культуре в качестве образцов при решении многих исследовательских задач философами, социологами, культурологами, литературоведами, психологами, педагогами и т. д.;

– под влиянием К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова выросло не одно поколение балкарцев и кабардинцев-реалистов и романтиков, символистические обобщения, художественные, духовные и культурные ценности которых входят в нормативную методологию гуманитарной науки, в национальную культуру и национальную эстетику;

– современное поколение нашей республики выходит на уровень богатого мира духовной культуры народов Российской Федерации благодаря таким замечательным учителям художественного мастерства, какими были Кязим Мечиев, Кайсын Кулиев, Алим Кешоков. Они сыграли большую роль в формировании массового общественного миропонимания, национального сознания и самосознания, а это, в свою очередь, поставило вопрос о преобразовании и унификации современного комплекса информационных потоков и системы распространения национальной художественной культуры в Кабардино-Балкарской Республике на рубеже XX–XXI вв.

Глава 2

ПРОБЛЕМЫ НОВАТОРСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В творчестве каждого художника есть тема, которая занимает у него центральное господствующее положение и на которую он постоянно выходит, работая в самых разных жанрах.

Для поэтов Кабардино-Балкарии К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова такой темой стала тема народа во всех ее жизненных проявлениях, в постижении его духовности и психологий его прошлого и настоящего. Раскрытие образа народа осуществлялось на основе развития национальных, в том числе фольклорных традиций.

В этом смысле все они – подлинно народные национальные поэты. Способность вдохновлять людей, утешить в горе, создать произведение как отклик на определенную жизненную ситуацию, прославить доброту, ум живого человека или легендарного героя – все это высоко ценится в народах Кавказа и находит отражение стихотворных произведениях: «Я слагаю стихи и железо кую...», «Откровенное слово», «Труженику» К. Мечиева; «Мои соседи», «Песни ущелий», «Раненый камень» К. Кулиева; «Горсть земли», «Предание об отваге», «Кинжал» А. Кешокова. По мере изменения жизненного уклада кабардинцев и балкарцев, их интегрирования в мировую цивилизацию и культуру традиционные средства народного искусства уже не могли быть единственной системой освоения жизни, как прежде. Активное впитывание разнонациональных влияний, создание новых жанров и форм, которые бы соответствовали новому социальному опыту народа, стало ведущей линией развития кабардинской и балкарской поэзии.

Язык поэзии Кабардино-Балкарии создавался на базе языка говорящего на нем народа. Тот факт, что, например, балкарская литература опиралась на национальную литературную традицию и развивалась на балкарском языке, означает многое. Во-первых, благодаря этому не была потеряна линия преемственности с национальной системой мышления. Во-вторых, эта литература, будучи понят-

на широким массам, получала мгновенный отклик всенародной аудитории. Тесное взаимодействие с читателем позволило литературе отвечать на актуальные запросы современников. Двусторонняя связь литературы с читателями и читателя с литературой мобилизовала ее развитие, создала такую ситуацию, в которой оказалось возможным существование национального в его наивысшем проявлении, а именно способность отражать национальный характер в его динамике.

Тенденций художественного развития, характеризующего сближением народов России, выразилось в интересном явлении – двуязычии национальных литератур. Переводом на русский язык ни кабардинская, ни балкарская литература не потеряла своего национального своеобразия, и сам факт иноязычного существования свидетельствует о мощной струе интернационального. Если бы национальное в балкарской литературе было лишь суммой этнографических данных и формальных приемов, а не ограниченной системой эстетического освоения мира, то перевод на другой язык оказался бы для нее губительной, она перестала бы существовать как литература национальная – Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева и Алима Кешокова.

Расширение связей с внешним миром не только формирует общечеловеческие черты национального характера, но и заставляет острее ощутить его специфику. Соприкосновение К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова с новыми темами заставило острее ощутить новаторство национальной поэзии в XX в., выдвинула те формы, в которых специфически кабардинское и балкарское выражено с наибольшей полнотой.

Произведения К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова – литературно-художественный феномен, требующий к себе гораздо более пристального внимания со стороны исследователей и критиков, чем есть. Это особый мир поэтов, развивающийся по своим законам, претендующий на создание целой системы обобщений-символов, связанных с философией Жизни, Сопrotивления, Любви и Ненависти.

Глубоким философским умом и острым зрением художника К. Мечиев, К. Кулиев, А. Кешоков понимали и отображали в своих поэтических произведениях новые явления жизни и веяния времени XX в., видя, каких успехов во всех областях жизни – политической,

экономической и культурной – достигла Кабардино-Балкария, какие духовные и нравственные факторы становились мощными двигателями общественного и культурного прогресса.

Кабардинская и балкарская поэзия выросла из народного фольклора, процесс ее развития был трудным и мучительным, так как не имелось литературного опыта и традиций. Иногда происходили парадоксальные явления субъективно-эмоционального характера, прямое игнорирование истинно нового, объективно отражающего тенденцию развития и формирования национальной художественной культуры. В частности, новым в поэтическом творчестве К. Мечиева было то, что поэт был первым в XX в., кто открыто выразил жизненную трагедию простого балкарского человека. Беды своего многострадального народа поэт пропускал через свое сердце:

Горя много, счастья мало, путь тяжел.
Я искал повсюду счастье – не нашел.
Долго с горем я боролся словом правым,
Точно сито, сердце сделалось дырявым.

Перевод С. Липкина

Не всем нравилась защита обездоленного народа, трудно было ему одному противостоять стереотипам и нормам того времени, которое он сам определил как невежественное. Свет знаний еще не распахнул перед горами многообразия человеческих миров, не дал ощущения других времен, простора творчества и культуры. Это все еще придет, и цивилизация XX в., достигнув Кавказских гор, принесет, к сожалению, не только свет, но и страх.

Сегодня, уже в XXI в., разбуженный человеческий разум и мир эмоций Северного Кавказа сформировали литературный пласт, где множество балкарских имен соревнуются в блеске поэтического творчества. Но К. Мечиев все-таки был первым. Он и сейчас, и завтра, и всегда будет первым. То, что сделал К. Мечиев без письменности, без литературной традиции, без критики и всего того, что привычно сопровождает творческий процесс, – повторить невозможно. К. Мечиев действительно народный поэт, т. к. его стихи объединяли, взывали к глубинам человеческих чувств, придавали смысл и прошлому, и настоящему, и будущему.

Так же трудно начинал свой творческий путь К. Кулиев. Первую

его книгу «Здравствуй, утро!» встретили в штыки, отвергли, не дали опубликовать, сборник вызвал бурный протест некоторых балкарских поэтов. «Тогда у нас не было принято писать о таких вещах, – вспоминал позже К. Кулиев, – как обыденные человеческие радости, ощущение красоты бытия, интимные переживания человека. Одно упоминание о зреющих в саду яблоках, о любви приводило иных деятелей в яростное негодование, считалось чуть ли не преступлением»¹. К. Кулиев не ожидал столь мощного шквала критики со стороны балкарских писателей. Они не поняли новизну исторического и художественного мышления К. Кулиева. Осмысливая требования нового времени, он пошел дальше своих предшественников.

Как свидетельствует история, всякая противоречивая система художественного мышления плюралистична. В этом отношении она не подвергается отрицанию, а лишь анализируется, получая историческое и гносеологическое объяснение. К сожалению, в начале XX в., когда создавал свою поэзию К. Мечиев, никто еще не мог в социально-философском аспекте осмыслить и глубоко научно анализировать формирование и развитие нарождающейся литературы Кабардино-Балкарии. Негативно относились и к многообразию художественных воззрений К. Мечиева. Для этого были объективные и субъективные причины. Во-первых, не было критиков и литературоведов, чтобы всесторонне анализировать и научно обобщить общие закономерности и специфические особенности формирования и развития нарождающейся национальной поэзии, в частности балкарской. Во-вторых, в 30-е г. XX в. в балкарскую литературу пришли люди, не имеющие достаточного литературного опыта. Все они активно включились в революционные социально-экономические и культурные преобразования республики. Преданно и уверенно воспевали происходящие процессы с позиций идеологии и политики государства. Поэтому для них неприемлем был художественный плюрализм.

Как и К. Мечиев, К. Кулиев был поэтом-мыслителем нового типа, начавшим понимать необходимость конкретно исторического рассмотрения общественных и социальных явлений, видевшим национальную обусловленность и культуру в целом.

¹ Кулиев К. Ш. Поэт всегда прав: Статьи, эссе. – М., 1986. С. 45.

К. Кулиев одним из первых национальных балкарских поэтов начинает строить свою, новаторскую языковую картину мира, и к пониманию этого языка он приходит через некую систему координат: пространство, время, восприятие.

Любое оценивание, осуществляемое в языке вербально, продиктовано самим существованием человека в мире. Таким образом, язык изначально выступает не как набор отдельно взятых языковых единиц, а как одно из возможностей отображения художественной картины мира как в целом, так и отдельно взятого индивида. Основу картины мира составляют образы эпохи, на которые накладываются вторичные образы, полученные путем ассоциации научных, технических и философских достижений. Обсуждение вопроса о художественной картине мира как работающем понятии позволяет также уточнить и конкретизировать значение такой проблемной области, как «философия искусства».

Построение художественной картины мира заключается в необходимости историко-культурологического исследования, имеющего ярко выраженный ценностно-мировоззренческий характер. Становление культурной истории Кабардино-Балкарии за прошедший век свидетельствует о чрезвычайной плодотворности использования художественной картины мира в качестве некоего систематизированного предпосылочного знания. Ориентация на культурную или собственно художественную картину мира позволило К. Кулиеву, на наш взгляд, избежать крайностей, представленных в историографии европейской науки. Мы имеем в виду строгие научные описания любого объекта в историографии середины XIX в. и противопоставленные им художественно-публицистические исторические труды XX в.

Поэзия – многообразное и богатое выражение стремления преодолеть хаос незавершенности формируемого образа. К. Кулиев был одним из тех, кто, опираясь на непосредственную очевидность увиденного и интуитивно прозревая живой образ эпохи, создал художественное произведение. В основе его концепции личности лежит бодрое, мужественное отношение к жизни со всеми ее испытаниями:

Если радость придет, радость прими
И не гордись, будь достоин ее.
Если горе придет, губы сожми
И не страшись, будь достоин его.

Эпоха, прочитанная через язык ее культуры, обретает правдоподобно-пластический образ. У любого художника возникает потребность отображения, визуализации его художественной картины мира, тем самым создается живой, красочный, подвижный образ. В. В. Кандинский в своей работе «О духовном в искусстве» выдвигает три необходимости, толкающих художника на создание образа. Это:

1. Присущая художнику потребность выражения того, что ему свойственно (индивидуальный элемент).

2. Присущая любому индивиду черта выражения того, что присуще эпохе (элемент стиля, тесно связанный с национальностью).

3. Присущая художнику возможность выражения того, что свойственно собственно искусству временной, внепространственный, вненациональный компонент.

Ментальность отдельно взятой личности поэта и ее исследование сопровождается удержанием в анализируемом поле целостного образа мира, который возникает в сознании людей данной конкретной эпохи в процессе социальной или культурной практики.

«Картина мира» менялась вместе с эпохой. У разных народов она приобретала специфические элементы, объединение которых вело к образованию структуры, воспринимаемой как «модель мира». Осмысление К. Мечиевым, К. Кулиевым, А. Кешоковым современных им событий и явлений, а следовательно, и духовного облика современника происходило в диалектическом единстве настоящего с прошлым и будущим, составляющими единый процесс жизни. Действительность воспринималась ими диалектически и многогранно: жизнь – это преемственность поколений, бесконечность в том смысле, что деяния одних продолжают последующими поколениями. Вот что писал К. Мечиев:

Юноши, девушки кружатся в пляске,
Кружатся радости пестрые краски,
Мчится вода родниковая в блеске,
В каждой череске – орлиные всплески.
То ли костер заплясал, вырастая,
То ли шумит журавлиная стая,
Старые очи мои разгорелись –
Снова мне солнца подарена прелесть.

Молодость, молодость, мира основа,
Мне на мгновение подарена снова.
Юные, плавно вы кружитесь в пляске,
Вы мне вернули мой пламень кавказский!

Перевод С. Липкина

К. Кулиев говорил так:

Вечна в мире жизнь, и если даже
Я умолкну на закате дня,
Кто-то из балкарцев слово скажет,
Что-то переняв и от меня.

Перевод Н. Гребнева

А. Кешоков задавал вопрос новым поколениям:

Легко страницы сосчитаю я
И в рукописной книге, и в печатной.
А кто сочтет страницы в необъятной
Земной и вечной книге бытия?

Перевод Я. Козловского

Жизнь в творческих концепциях К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова – это непрерывность больших и малых человеческих дел, неустанное движение к новым духовным высотам. Все эти позиции четко прослеживаются в поэмах «Раненый тур», «Бузжигит», «Желтый кош», «Тахир и Зухра» К. Мечиева; прозаических произведениях К. Кулиева; поэтическом сборнике «Тавро» А. Кешокова.

Современное понимание этой модели, продиктованное мышлением времени XX в., отнюдь не было присуще мыслителям в прежние времена. Так, в античности существовала единая картина мира, где научные представления и художественный образ сливаются воедино. Подобное восприятие картины мира обусловлено целостностью религиозно-мифологического сознания. Миф выступал как основа и обоснование целостности античной картины мира. С точки зрения философской рефлексии подобная целостность может быть объяснена и посредством анализа платоновской системы, которая предстает как органически синтез научной и художественной картины мира.

Эпоха Средневековья не способствовала формированию эстетического переживания как самостоятельной жизненной ценности, ибо в основе восприятия лежало сущностное отождествление прекрасного и благого. Если в античности тело являлось основным компонентом картины мира, то в Средневековье таким компонентом выступает текст. Мир, данный уму и чувству средневекового человека как божественное творчество, постигался в слове божьем, запечатленном в священном тексте. Отметим, однако, что эстетический универсализм этой эпохи, по сравнению с античностью, значительно ослаблен.

Культуру любой эпохи можно рассматривать как всеобъемлющую знаковую систему. Знак выступает как некий символ, а символ, в свою очередь, как изображение вещи.

Желание зашифровать каждую вещь, то есть наделить ее смыслом, обобщением, упорядоченностью, внутренней выразительностью, неповторимостью, на наш взгляд, является признаком потребности к самовыражению.

Знакомство с мировой и отечественной культурой для К. Кулиева является примером отраженной субъективности. Те вклады, которые получил поэт в период адаптации через знакомство с творчеством других поэтов и писателей, трансформировались в своеобразную продолжительность. В нем персонализировались личности столь значимых для него творцов. Ярким примером отраженной субъективности как формы идеальной представленности личностей художников мира в жизненной ситуации поэта являются многочисленные стихотворения: «Поэты», «Мастера», «Говорю Омару Хайяму», «Дон Кихоты», «Играют Шопена», «Гамлет», «Монолог Прометей», «Бетховен» и др.

Через много лет в предисловии к собранию сочинений К. Кулиева Ч. Айтматов написал: «В поэзии самого Кайсына Кулиева отчетливо слышны голоса многих разных поэтов, своих и иноязычных, и, напротив, в этой особенности его поэзии проявилась неповторимая собственная индивидуальность огромной личности Кайсына Кулиева. Ибо чувства и мысли, открытые и выношенные поэтом другого народа, он проводил через опыт, судьбу своего народа, как через огонь. Возвращал его людям в новом, небывалом каче-

стве»¹.

Новое поколение поэтов, к которому относился и К. Кулиев, остро почувствовали значительность реальной личности. Возникло понимание, что художник черпает свой идеи, образы, сюжеты из реальной жизни, но, став явлением искусства, поэзия стремится стать «второй жизнью», второй реальностью, сомкнуться с нею, вызвать к себе полное доверие. Об этой особенности искусства поэтического слова, которое дополняет реальность, позднее писал А. Твардовский.

А. Твардовский, являясь главным редактором журнала «Новый мир», считал своей обязанностью знакомить читателей с лучшими достижениями литературы народов СССР. Читателям «Нового мира» в XX в. были привычны и хорошо знакомы имена Чингиза Айтматова, Расула Гамзатова, Максима Рыльского, Эдуардаса Межелайтиса, Петруся Бровки, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова.

А. Твардовский высоко ценил «...светлую и глубокую поэтическую мысль, изящно традиционную и вместе с тем смелую новаторскую форму» лирики К. Кулиева². Вместе с редакцией «Нового мира» он горячо поддержал выдвижение кандидатуры К. Кулиева на соискание Ленинской премии в 1965 г. В свою очередь, К. Кулиев предельно точно определил нравственное значение личности А. Твардовского для себя и своих собратьев по перу: «Он был нашей поэтической совестью». Особенно импонировало К. Кулиеву то, что А. Твардовский бережно относился к понятиям чести и достоинства: «Когда об этом говорил Твардовский, это каждый раз мне было особенно понятно и дорого еще потому, что на земле моих отцов, где я рос среди хлеборобов, пастухов и каменотесов, слово «достоинство» являлось одним из первых и драгоценных... Людей в горах с детства учили чести и достоинству. Кто их терял, тот в глазах земляков как бы терял и жизнь, перестав быть человеком»³.

Первый учитель К. Кулиева – учитель русского языка – стал сквозным персонажем, проходящим через многие произведения поэта. «Тогда я не понимал, каким благом станут для меня его уроки, не знал, что русский язык откроет мне свои несметные сокровища и я приобщусь к великой русской литературе – от Пушкина до Твар-

¹ Кулиев К. Ш. Собр. соч.: В 3 т. Нальчик, 1981. Т. 1. С. 5.

² Твардовский А. Т. Избранные произведения: В 3 т. – М., 1990. Т. 2. С. 302.

³ Кулиев К. Ш. Вид с белой горы. – М., 1974. С. 27.

довского, от Толстого до Паустовского», – позже вспоминал в автобиографической повести К. Кулиев ².

При анализе ситуации взаимодействия учителя с учеником обычно отмечают то обстоятельство, что учитель является не только источником информации, но и транслирует свои личностные качества ученику. Таким образом продолжает себя в ученике и осуществляет преобразование его личностных качеств, поведения, мотивов деятельности.

В жизни К. Кулиева таким наставником, который персонализировался в личности поэта, был не только школьный учитель Борис Игнатьич, но и его литературный учитель Кязим Мечиев. Всю жизнь поэт преклонялся перед этим человеком. «Мои слова – тень слов Кязима», – говорил К. Кулиев. Поэт позже писал:

Наверно, поступил не мудро –
Уж очень был я молодой,
Что озаглавил «Здравствуй, утро!»
Я самый первый сборник свой.

Не размышляя слишком мудро,
Не видев горя и обид,
Беспечно пел я: «Здравствуй, утро!»
Не зная, что мне предстоит...

Но все же я ни в чем не каюсь
И не стараюсь смыть следы,
Я и теперь не отрекаюсь
От песен тех и той воды.

Стал и бывалым я, и мудрым,
Я видел все: и рай, и ад.
Но и сегодня «Здравствуй, утро!»
Твержу, как много лет назад.

Перевод Н. Гребнева

Тема радости и оптимизма станет сквозной в творчестве К. Кулиева даже после всех пережитых бед: «Я счастлив тем, что в тяжелых условиях не махнул рукой на жизнь, не разуверился в ней. Как

² Кулиев К. Ш. Вид с белой горы. – М., 1974. С. 33.

хорош, что никогда я не проклинал саму жизнь и не считал ее ничемной. Это было из центральных мотивов всего мною написанного»¹.

Эту особенность творчества и личности К. Кулиева угадал в молодом тогда поэте Борис Пастернак, написавший о нем еще в 1948 г. как о человеке, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе.

А горе не заставило себя долго ждать. Великая Отечественная война стала страшным испытанием. Поэт с первых часов оказался в пекле войны, которая провела рубеж в жизни К. Кулиева. За этим рубежом – быстрый рост личности поэта, выявление его мастерства, укрупнение таланта. Если прежде поэт декларировал свою готовность словом и делом служить народу, то теперь эти идеи обрели плоть. Он оказался в центре трагических и героических событий...

Уже в самом начале войны К. Кулиев интуитивно почувствовал: чтобы живой человеческий голос не затерялся в хаосе войны, надо разговаривать с воюющими людьми нормальным человеческим голосом, но голос этот будет услышан, если говорящий или пишущий стоит близко у сердца воющего человека. В этом был исток популярности «Василия Теркина» А. Твардовского, лучших стихов К. Кулиева, К. Симонова и других поэтов-фронтовиков. К началу 40-х гг. XX в. отношение к лирической поэзии изменилось. Творческая личность, эстетически осваивая мир человека, мир развивающихся отношений, преодолевала эту лирическую «самообязнь» и вступала в новый этап своего развития. Поэты все увереннее избегали противопоставление личности массе. Чем больше поэт доверяется людям в самых сокровенных своих чувствах и мыслях, тем нужнее, ближе он становится читателю. Искренность, простота, ясность поэтической строки – вот те качества, которые привели к взлету популярности лирики у читателей в дни Великой Отечественной войны. Поэтические строки брали за душу, подкупали ощущением правды чувств.

Особое внимание заслуживает стихотворение К. Кулиева «Баллада о погибшем друге», написанное в 1943 г. Оно представляет собой воображаемый диалог поэта и его погибшего друга. Повествование ведется от лица умершего. Стихотворение – это его по-

¹ Кулиев К. Ш. Вид с белой горы. – М., 1974. С. 57.

следнее жилье, а поэт – его поверенный:

И я хочу, чтоб в нем всегда звучали
Моя отвага, мужество мое,
Слова суровой правды и печали.
Среди поэтов много есть таких,
Чтоб о войне легко и пышно пишут.
И стыдно мне тогда за вас, живых,
И больно мне тогда за нас – погибших.

Перевод Н. Гребнева

Этот прием автор – глашатай погибшего солдата – несколько позже (в 1945 – 1946 гг.) использовал в своем творчестве А. Твардовский в стихотворении «Я убит подо Ржевом» и некоторых других. «Стихи эти продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны и в послевоенные годы все более заполняли душу. Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвения, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе» – так приблизительно можно определить эту мысль и чувство», – писал в 1969 г. А. Твардовский¹.

Под этими словами мог бы подписаться К. Кулиев. В поэме «Кремень» он писал:

Друзья мои однополчане,
Товарищи военных лет,
Я памятью о вас изранен,
Моей душе покоя нет.

Перевод Н. Гребнева

Чувство вины, боли, «ощущения как бы себя в них, а их в себе», есть не что иное, как проявление отраженной субъективности, продолженности личностей погибших солдат в личностях поэтов. Перед нами не обычные образы-воспоминания, а некая часть жизни поэтов. Результатом творческой активности поэтов стали многочисленные стихотворения, поэмы, написанные в 60–70-е гг. XX в. и посвященные давно ушедшим из жизни, но персонализированным в них, породившим тяжелые переживания, солдатам Великой Отече-

¹ Твардовский А. Т. Письма Кайсыну Кулиеву. – Нальчик, 1987. С. 41.

ственной войны.

Человек, вступая в фазу интеграции в развитии своей личности, начинает ощущать психологическое единство, целостность той социальной общности, к которой он принадлежит. Для поэта в такой период очень важно осознавать: «Мы с вами муку разделяем, люди!» К. Кулиеву пришлось «разделять муку» не только со всей страной, но и с балкарским народом. В 1943 г. поэт узнал страшную весть о депортации в Казахстан и Киргизию около семисот тысяч спецпереселенцев народов-изменников (балкарцев, карачаевцев, ингушей, чеченцев, калмыков, немцев).

В. Огнев писал об этом периоде в жизни К. Кулиева: «Грозовые разряды эпохи и духота, безвоздушность атмосферы, в которой не уму и таланту, а лжи и двоедушию были открыты пути, смятение личности, как бы прописанной в двух абсолютно несовместимых сферах – области высоких помыслов о братстве людей, добре ненасильственного мира и жестоких истин разочарования; понимание разрыва между идеалом и действительностью – вот в каких резко выраженных координатах духовной жизни стоически развивалась мужественная поэзия Кулиева»¹.

Поэт мог избежать депортации, тем более что за него ходатайствовали Н. Тихонов, И. Эринбург, К. Симонов, но предпочел добровольно отправиться в ссылку вместе со своим народом. Это был поступок – сознательное действие, акт нравственного самоопределения поэта. Личность проявляется и формируется через поступки. Ценностные ориентации лежат в основе социальных поступков личности. Личности нет там, где индивид отказывается идти на риск выбора, пытается избежать социальной оценки своих поступков, честного ответа перед самим собой о мотивах своего поведения. Человек как личность заявляет о себе в том случае, если он самостоятельно выбирает и планирует ответственное поведение, принимает решение на совершение действий, которые получают социальную оценку, заранее принимает на себя ответственность за последствия этих действий.

Поступок – это всегда муки выбора, риск социального действия, тяготы ответственности за себя и за других. Самостоятельность и ответственность в социальном поведении составляют самые суще-

¹ Огнев В. Несуетное слово поэта // Новый мир. 1970. № 5. С. 246.

ственные характеристики человека как личности. Самостоятельность – это действие с опорой на свои собственные интеллектуальные и духовные силы, без обращения к подсказке другого.

И в этот тяжелый период К. Кулиев как никогда остро почувствовал свою кровную связь с родным балкарским народом и его судьбою: «Я был, как все, не лучше, не умнее, я жил как все...», но при этом:

И я старался из последних сил
Страх побеждать и делать свое дело
По долгу тех, кто, мужествуя, жил
И стойким был, когда душа терпела.

Перевод Н. Гребнева

С точки зрения К. Кулиева, поэзия, обязанная служить людям, стать им опорой, должна быть мужественной, внушать борющимся с тяготами стойкость. Стараться быть им поддержкой:

Мужество... Средь радостей и бедствии
Я ценил крутой его накал,
И стихи из горестного сердца,
Словно бы из ножен, извлекал.
Если сгинет мужество – с ним вместе
Воля к жизни от меня уйдет...
Без него свободы нет и чести.
Мужество – стихов моих оплот.

Перевод Ю. Нейман

Черта личности – мужество – стала одним из мотивов его творчества. Нечто подобное произошло и с другой чертой его личности – терпением. К. Кулиев демонстративно выделял терпение как добродетель. Терпение не от страха, а вопреки ему, как сопротивление:

Есть мужество боренья, но немее
Благословенно мужество терпения.
Терпение – вот мой друг, оружие героя,
Коль выбито из рук оружие другое.

Перевод Н. Гребнева

Сам Кайсын, как раненый камень – неизменный символ его по-

эзии – мог сказать о себе: «Я все выдержал». «В этом все – суровая биография времени, народа и человека, через чье сердце прошли жгучие токи великих и трагических событий истории; но не испепелили его, а закалили, пробудили в нем ответное мужество и достоинство», – писал о поэте Ч. Айтматов. Обостренное чувство Родины приходит тогда, когда он в силу каких-либо особенностей, трагических обстоятельств теряет ее. Родину ничем нельзя заменить. Образ Балкарии неизменно сопровождал поэта, не только заставляя тяжело страдать, но и являясь одним из источников жизненных сил. К. Кулиев был уверен, что художниками становятся те, кто беспредельно любит землю от ее снежных вершин и до простой запыленной былинки у дороги. Стихи этого периода покоряют особой нежностью интонаций («Смородина», «Мой аул», «Дедовский дом» и др.). Обращают на себя внимание стихи: «И я, бывало, покидал свой дом», «Черные птицы». Автор обращался к тем, кто делил с ним горькие годы изгнания, он вселял надежду на нравственные силы и возможности быть достойными самого высокого на земле – самой жизни. Такого рода вклады не проходят бесследно. Стихотворения «Как только ночь», «Восхождение», «Тур», «В трудный час», «Звездам гореть», «Орел мой, ко мне», «Тень орла» – это могучие песни воли, гордой непокоренности.

На пятом съезде писателей СССР поэт сказал очень мудрые и выстраданные слова: «Поэт с теми, кто идет впереди и творит жизнь. И задача его искони – служить справедливости, быть опорой и поддержкой тем, кто несет знамя будущего. Поэту завещано бесстрашие. Слово его может быть и нередко бывает горьким и трагическим. И этого не надо бояться. Слово поэта не может не нести и боль наравне с мужеством, наравне с верой в жизни и любовью к ней»¹. К. Ш. Кулиев осознавал свою ответственность за каждое сказанное слово. Для него Поэзия никогда не была просто словами, она была для него Радостью и Горем, Жизнью и Смертью.

Поэт знал истинную цену Слову и Правде. Заканчивая автобиографию, К. Кулиев веско сказал: «Людам полезна только правда, будь она житейская, историческая или творческая. И искусство сильно только ею, она всегда остается его стихией, как тень, как

¹ Кулиев К. Ш. Выступление на Пятом съезде СП СССР в Москве. Стенограф. отчет. – М., 1971. С. 229.

радость и боль. Учиться можно только на правде»¹. А иначе, зачем быть на земле, если не уметь постоять за ее раны, зачем ходить по ней, если прятаться от ее ветров? Зачем быть с людьми, если ничего не можешь, не умеешь дать им? К. Кулиеву свойственно было щедро дарить людям свое тепло и силы, жар своего сердца, свои мысли и чувства. Истинному поэту важно осознавать, что его совесть чиста перед людьми, родной землей, что он отражал действительность такой, какой она была: «розы ее и репье», «мед и полынь», «затишье и грозы». К. Кулиев имел полное право сказать о себе: «Я вам не лгал, а кто не лжет, тот петь имеет право». Честность, верность жизни – это те качества, к которым поэт относился ревностно и которые приносили ему удовлетворение, как честно прожитая жизнь любого труженика:

Длинна ль – не знаю – жизни нашей повесть?
Но я хочу, чтоб и в последний час
Моя, друзья, чиста была бы совесть,
Как хлеб, которым угощаю вас.

Перевод Н. Гребнева

Для личности подлинного поэта очень важно осознание честно выполненного долга, чистой совести.

Не менее важна для любого человека, и поэта в том числе, незапятнанность имени, которое, возможно, останется жить в памяти людей, если человек своей жизнью заслуживает этого, осуществляет такие вклады, которые имеют значение не только для современников, но и для потомков. Не случайно многочисленные пословицы и поговорки в различных языках рекомендуют человеку честь и имя беречь смолоду. Имя человека – звено структуры самосознания, идентифицированное с телесной и духовной индивидуальностью.

Значение имени как индивидуального знака человека, представляющего его в мире и определяющего его жизненный путь, имеет место на всех этапах истории человека. Психологически имя является тем катализатором, который содействует накоплению положительных эмоций, обращенных к человеку с первых дней его появления на свет, формированию базового доверия к людям и ценностного отношения к самому себе. Имя – это кристалл личности, который

¹ Кулиев К. Ш. Вид с белой горы. – М., 1974. С. 57.

в течение жизни формирует и индивидуализирует человека. Имя появляется с рождением человека и зачастую остается после его смерти – переходя от предка к потомку. Исповедующий традиционное отношение к имени человек бережет его смолоду. Для К. Кулиева характерен именно такой подход:

И если я оставлю сыновьям
В наследство незапятнанное имя,
Как мне оставил некогда отец, –
Я думаю, в долгу у них не буду.

Перевод О. Чухонцева

В родной культуре, если ребенку давали имя предка, он постоянно узнавал о своем предке, идентифицировался с ним и надеялся, что лучшие свойства предка станут его свойствами, имя глубоко входило в личность, становилось сутью личности:

Когда моих годов прервется нить,
Земля не прекратит круговращения.
И назовут кого-то, может быть,
Тем именем, что я носил с рождения.
Подобно мне, он будет у вершин
Бродить, и, прежде чем на зов ответит,
Ущелье повторит: «Кайсын! Кайсын!» –
Как будто я живу на свете.

Перевод Н. Гребнева

На этапах онтогенетического развития имя определяет ценностные ориентации человека в его притязаниях на признание, в характере построения жизненных перспектив. Видимо, К. Кулиев понимал, когда обращался к своим сыновьям:

Вы имена свои носите гордо,
В них доброта хлебов и щедрость стад,
В них мягкость трав и скал чегемских твердость,
Вы слышите, Эльдар, Алим и Азамат?
Я вам, сыны мои, балкарцы родом,
Дал имена крестьян, и вы должны
Чтить нашу землю, хлеб ее и воду,
Как пахари, ашуги, чабаны...

Перевод Н. Гребнева

Показательно стихотворение К. Кулиева «Откуда все мой друг узнал – бог весть...» (памяти М. М. Герасимова). Поэт узнает от друга, что «известный человек в своем народе» в свой смертный час просил читать его стихотворение:

Пусть это случай, что в последний час
Мое кому-то послужило слово,
Но мир прекрасен, где один из нас
Хоть иногда – опора для другого.

Перевод Н. Гребнева

Для поэта очень важно было узнать «о том, какая выпала мне честь не по талантам и не заслугам...». Автор считает, что поэту должны быть «чужды кривые тропы зазнайства» и гордыни, но в то же время очень важно осознавать:

Свой слог у каждого поэта.
Пусть струны строф моих стихи,
Я знаю, что кому-то где-то
Нужны как раз мои стихи.

Перевод М. Еремينا

Уверенность в необходимости своего труда позволила поэту удовлетворить притязание на признание, хотя «не ради славы пишут кровью», потому что «жизнь – истина, а слава – вздор, прах»:

Тот не бесславен, не бездарен,
Кто без корысти спину гнул,
Кто камню теплоты прибавил,
Жизнь в слово мертвое вдохнул.
А слава – эхо среди скал,
Звук повторился и пропал.

Перевод Н. Гребнева

Поэт декларирует: «О бессмертии думать мы не будем, и о славе хлопотать земной», однако, «так старомодно бессмертья хочется душе!» Человек выступает как противоречивое бесконечно-конечное существо, как особенное, как воплощение всеобщего мира в единичном человеке. Такое противоречие может существовать

лишь в форме трансцендирующего, развивающегося во времени сознания.

Психологическое время личности – еще одно звено структуры самосознания, человек относительно своей персоны мыслит себя в трех временах: в индивидуальном прошлом, в настоящем и будущем. Вместе с тем он исходит из прошлого, настоящего и будущего всего человечества. Степень включенности во все временные изменения определяет значение и смыслы, которые личность придает своему существованию на земле, обязанности, которые она возлагает на себя, а также знаменует уровень развития самой личности. Соотнесенность себя с миром в прошлом, настоящем и будущем – наиболее перспективная позиция для бытия и развития как личности.

Временная рефлексия на путь человечества, на свое место в индивидуальной перспективе жизни дает возможность проникнуться пониманием ценности жизни, стремится к утверждению бытия через моральное отношение и любовь к людям.

Черпая вдохновение в прошлом и настоящем, поэзия предугадывает будущее, формирует историческое мироощущение поколений.

Психологическое время личности для взрослого человека является своеобразным прибором, позволяющим мерить свой индивидуальный путь, в том числе и время жизни. При этом историческое время его народа и всего человечества влетает в сознание человека, в его индивидуальное психологическое время и определяет специфику картины мира, ценностных ориентаций, жизненную позицию.

Для поэтов Кабардино-Балкарии (К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова) категория психологического времени личности является очень значимой, что нашло свое отражение в целом ряде стихотворений, посвященных восприятию *прошлого* («Избороздил я много бурных вод...», «Много видел Кязим» К. Мечиева), («Вы, жившие до нас на белом свете», «Года уходят навсегда», «Предки мои», «Не так мало», «Надпись на книге Кязима Мечиева», «Воспоминания», «Дни мои, зову я вас порой», «Мир моего детства» К. Кулиева), («Незавершенный портрет», «Дерево над окопом» А. Кешокова); *настоящего* («Наши пашни – одни валуны...», «Мир полон горя – радость же редка...», «Моему псу» К. Мечиева), («Жизнь живущего – только мгновение», «О годы, годы», «Говорю моему поколе-

нию», «Время» К. Кулиева), («Родник», «На мчащемся коне», «Весной» А. Кешокова); *будущего* («Завещание сыну», «Взнуздан я плоть свою худую...», «Что мне делать?» К. Мечиева), («Жизнь моя повторится», «Стихи, сказанные будущему», «Тому, кто придет после меня» К. Кулиева), («Грядущее», «Память истории», «Страницы книг» А. Кешокова).

Соотнесение себя с культурными образами прошлого и будущего – естественная для бытия и развития человека позиция, именно это соотнесение дает возможность переживать как ценность человеческое бытие во всей истории сегодняшнего дня и в ближайшей, и в отдаленной перспективе. Психологическое время личности – звено самосознания человека, которое позволяет ему адекватно реагировать на свой индивидуальный путь во времени и стремиться объективно оценивать себя в своих притязаниях во всех сферах жизни. Вот что писал об этом К. Мечиев:

Я видел униженья человека,
Я видел семьи без куска чурека,
Я слышал то, что думали рабы.
Моя судьба – частица их судьбы...
Перевод С. Липкина

По мнению К. Кулиева:

...На всем, жизнь, твое есть клеймо.
Все, чем в тебе проявлялся я, время,
Ты мне само подарило, само!..
Перевод Л. Шерешевского

А. Кешоков утверждал:

Поэт – пророк, известно с давних пор,
И если, как хористов в общий хор,
Собрать поэтов, то не будет проку,
Ведь в хоре делать нечего пророку.
Перевод Я. Козловского

Если для ребенка из всех измерений времени самым важным, а то и единственным является настоящее, то с возрастом заметно ус-

«Мгновенье жизни», «Поэту», «Ради жизни» и др. В его стихотворении «Наследство» мы читаем:

...Кто б ни были мы – люди иль растенья,
Мы оставляем по себе следы.
Стихи мои – родной земли творенье,
Они – мой след, и листья, и плоды.

Перевод Н. Гребнева

Талантливые люди стремятся подводить итоги своей жизни, делая это открыто, используя тот вид творчества, которым они занимались всю жизнь. Это не только решение важнейшей психологической задачи данного возраста – подведение жизненных итогов, но и диалог со временем. Талантливый человек пытается смотреть на свое творческое наследие не только своими глазами, но и глазами потомков. Оценка своего труда бывает беспощадной, в ней обязательно присутствует нравственная основа – совесть. Совесть представляет собой способность личности осуществлять нравственный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить оценку совершенного.

С этой точки зрения обращает на себя внимание ряд стихотворений К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова. В частности, «Завещание» К. Мечиева, «Читателю стихов» К. Кулиева, «Слава и имя» А. Кешокова и др.

В конце жизни «Я» поэтов трансформируется в обращение к «мы», «тебе», читателю, человеку. Читатель становится не вторым, а первым лицом. Поэты на закате жизни выражают благодарность своим многочисленным читателям. К. Мечиев в стихотворении «Мы» писал:

Мы – горожане или аульчане –
работаем в едином, дружном стане.
И русские и горцы – мы свои,
Мы из одной, из трудовой семьи.

.....

Сильны мы дружбой крепкою своею.
Никто, никто не сядет нам на шею.
Свободы вкус узнали мы, друзья,
Поэтому нас победить нельзя!

Перевод С. Литкина

Так, у К. Кулиева мы читаем:

И я старался говорить с тобою
О том, что знал, и знал из первых рук,
Так говорить, как будто надо мною
Склонялся ты, единственный мой друг.

Перевод Н. Гребнева

Автор не столько выражает себя в предмете творчества, сколько стремится через предмет искусства перенести себя, свое мироощущение, видение мира в других людей, потому что именно они – конечная цель его творчества.

Стремясь включить свое «Я» в сознание, чувства и мысли читателей, приобщая их к своим интересам и желаниям, поэт К. Кулиев, получив в порядке обратной связи информацию об успехе, удовлетворяет тем самым потребность в персонализации:

Ты слову моему в его бессилье
Давал возможность жизнь и плоть обрести,
Чтоб книги не томились в толще пыли,
Ты брал их, мне оказывая честь.

Перевод Н. Гребнева

Поэтическая строка – это, с одной стороны, предмет деятельности поэта, а с другой – средство, с помощью которого творец утверждает себя в общественной жизни, потому что эта строка произведена для других людей:

Меж нами нет межи или границы,
Мой стих, он оберег в гнезде твоём.
Так пусть же, как весной, щебечут птицы,
Мой стих летит к тебе добром.

Перевод Н. Гребнева

Аналогичное отношение и обращение к читателям мы встречаем и в творчестве А. Кешокова. Достаточно вспомнить хотя бы следующие его поэтические строки:

Выходим мы в путь с нетерпением в крови,
Себя подгоняя: – Скорей, ради бога!
Пускай сократится любая дорога,
За исключением дороги любви!

Перевод Я. Козловского

Видимо, такое совпадение у трех поэтов Кабардино-Балкарии XX в. не случайно, так как персональное пространство творческого человека – это пространство людей, в котором он интегрировал как творческая индивидуальность, если читатели готовы интегрировать идеи творческой личности, тогда персонализация превращается из возможности в действительность.

Осознание потребности в своеобразной продолженности и за пределами земного бытия нашло свое отражение во многих стихах К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова: «От мысли, что и ты уйдешь, быть может...», «Работа», «И не казалось мне, что я пророк...», «Пусть лавровых венков я не носил», «Поэт – кто велик...» и др.

По воспоминаниям Ч. Айтматова, К. Кулиев всем существом неистово, почти фанатически, но отнюдь не суеверно был убежден, что настоящий поэт не умирает «весь», он верил, что читать поэта-друга – величайшая радость общения, возвращение, пусть на время, жизни тому, кого любишь. К. Кулиев искренне верил, что жизнь не уходит, а приходит к человеку, которому не жаль поделиться с людьми своей жизнью:

Пусть, завершая путь земной,
Пойму, что сделал я лишь малость.
Но то, что сделал я, осталось,
И нету мудрости иной.

Перевод Л. Гребнева

«Поэты бывают разными, и каждый из них по-своему прав. И естественность у каждого своя. Она у Блока – одна, у Твардовского – другая. Любой из значительных художников, конечно, выражает свою эпоху, ее чаяния, стремления, радости и боль, свет и тень, противоречие и трагедию, но выражает это своими способами и средствами. Этим каждый и интересен. Если нет индивидуальных черт, значит, нет и художника», – так писал К. Кулиев в своем рассказе «Два голоса»¹.

¹ Кулиев К. Ш. Два голоса // Рассказы. – Нальчик, 1974. С. 51.

Всякое произведение несет в себе и значительные субъективные черты – «я» автора. Авторская субъективность организует произведение и, можно сказать, порождает его художественную целостность. Она составляет неотъемлемую, универсальную и важнейшую грань искусства наряду с его собственно эстетическими и познавательными началами. Некий дух авторства не просто присутствует, но доминирует в любых формах художественной деятельности – при наличии в произведении индивидуального создателя, в ситуациях группового, коллективного авторства и в случаях анонимности автора или заведомой мистификации.

Таким образом, каждый сюжет поэтов К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова несет в себе одновременно объективные и субъективные черты. С одной стороны, он является выразителем художественной картины мира в целом, с другой – выразителем субъективности автора.

Выдающиеся создания поэзии неповторимы, в каком бы краю ни рождались, и они вливаются в общую сокровищницу человеческой культуры. Так двигалась и будет двигаться вперед мировая поэзия, в создании которой принимают участие все народы, взаимно обогащая друг друга, внося свои неповторимые черты и оттенки, участь друг у друга. Так рождается многообразие и мощь поэзии.

Художественная картина мира, в том числе и Кабардино-Балкарии XX в., преломлялась в сознании поэтов и воплощалась в сюжетах их произведений, которые уже по себе были новаторскими.

Вот что произнес К. Кулиев в дискуссии в Праге: «Вопрос традиции и новаторства не является новым, и в наш век он вызывал и вызывает споры. Раз серьезные специалисты и знатоки считают нужным тратить на него время, стало быть, эти споры не бесполезны. Древние, говорившие о том, что истина рождается в спорах, были правы. В действительности каждое явление полно противоречий. Это истина, известная всем. Чутье художника как раз и заключается в умении уловить и понять главные противоречия жизни. Чем крупнее художник, тем с большей достоверностью и смелостью, даже беспощадностью, как Лев Толстой или Достоевский, обнажает жизненные противоречия, не боясь быть непонятым или даже гонимым, как Пушкин. Я говорю о явлениях исключительных. Без них никогда не может обойтись искусство. Во все времена было закономерным то, что в литературе работали люди разных степеней

дарования. Но мы в наших спорах и работе должны опираться на образцы, на сильнейших. Для творчества, как и для жизни, нет старых вопросов. И те из них, которые люди называют старыми, на самом деле никогда таковыми не бывают. Для человека каждый раз все возникает как бы заново. Так называемые вопросы возникают вновь и вновь, приобретая новые обличья и новый смысл. Поэтому и возник сегодня вопрос традиции и новаторства в современной поэзии. Признаться, мне кажется, что мы с вами так же не сумеем решить его, как и те, которые пытались сделать это до нас. Но каждый делает свое, как сказал чешский поэт Карел Гавличек-Боровский. А вопрос этот будет возникать снова и снова и после, ибо творческий процесс в мире будет продолжаться, и художники каждой новой эпохи будут смотреть на него со своей горы»¹.

Таким образом, изучая своеобразие новаторства в творчестве К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова, мы пришли к следующим **выводам**:

– создание собственного творческого пространства возможно при условии способности личности рефлексировать самому себе. В выработке собственного мировоззрения, раскрываться в самобытном авторском прочтении социальных норм, культуры общества и культуры отдельного человека;

– для развития творческой личности поэтов Кабардино-Балкарии XX в. характерно преобладание индивидуализации в детстве и интеграции в зрелые годы пути духовного поиска и проявление неадаптивной активности;

– К. Мечиев, К. Кулиев и А. Кешоков были убеждены, что настоящий поэт способен обращаться через время и расстояние с помощью персонализации к потомкам, даже через небытие с помощью своих вкладов сеять в душах читателей нравственные принципы добра и справедливости, способность чувствовать и разделять чужую боль, ценить верность и благородство, уметь любить и ненавидеть, быть личностью;

– в поэзии К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова затронуты вопросы морали, нравственности, а они современны и сегодня, в XXI в., ведь нравственные понятия, заложенные в них, звучат актуально во все времена. Поэтому они остаются сынами своего времени. В их

¹ Кулиев К. Ш. Избранное. – Нальчик, 1978. – С. 127.

творчестве и в них самих живет ощущение, что они продолжатели всего, что было до них. А стремление осознать эту связь, естественно, возвращает поэтов к началу начал литературы – фольклору. По верному замечанию Д. Кугультинова, именно фольклор питает поэзию, рождая незримую силу, которая дает возможность появиться на ветке дерева почке и распустить листья. Богатство и разнообразие устной народной поэзии, несомненно, сказались в поэтическом творчестве К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова.

Глава 3

ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА В ПОЭЗИИ К. МЕЧИЕВА, К. КУЛИЕВА, А. КЕШОКОВА

Индивидуальная картина мира поэта – это восприятие действительности, в результате чего выявляется основной повествовательный стержень литературного произведения.

Современные гуманитарные науки выделяют религиозную, социальную, художественную, научную картины мира, каждая из которых призвана определять и рассматривать характерные для нее проблемы. Существуют такие понятия, как научная и вненаучная картины мира. К первой можно отнести социальную и собственно научную картину мира, а ко второй – религиозную, художественную и языковую картины мира.

Если рассматривать научную картину мира, то она представляет собой целостную систему представлений об общих свойствах и закономерностях мира, возникающих в процессе обобщения и синтеза основных естественнонаучных понятий и принципов. В XX в. в научной картине мира господствовала идея космизма, выдвинутая еще Платоном.

Научная картина мира выступает как результат и научного познания, и как фундамент его дальнейшего развития, а также как источник возможных интерпретаций новых предметов науки и исследовательская программа.

Научная картина мира менялась вместе с изменением образа эпохи.

Противоречие между жесткой научной заданностью и свободной художественно-беллетристической фантазией начинает формировать новую исследовательскую стилистику, обратившуюся к категории «художественная картина мира». Художественная картина мира предстает в виде художественного образа, который является ярким выражением того, как художник воспринимает и видит человеческое и сущее.

Художественная картина мира того или иного социального состояния обнаруживает себя как предпосылка и герменевтический элемент воссоздания целостного представления об истории, эпохе, что особенно важно, о личности, человеке. В качестве интегративного фактора подобно целостности выступает категория, выполняющая роль культурно-исторической универсалии. У Я. Буркхарда такой категорией является «индивидуализм», т.е. идея человека «каков он есть и каким он должен быть». Для ученого ценность искусства как выразителя духовных сил, приведших человека к открытию мира, значительно выше научной и философской рефлексии. Поэтическое искусство – символический язык культуры.

Таким образом, охарактеризованная исследовательская традиция содержит в качестве имманентной методологической предпосылки идею культурной целостности эпохи, порождающей устойчивое образование – некую модель мира – художественную картину мира. Анализируя наследие прошлого и его влияние на современность, осуществляется попытка как межкультурного, так и внутрикультурного диалога. Становится очевидным, что особенности художественной реконструкции реальности и внутринаучные методологические процессы требуют всесторонней культурологической и философской рефлексии понятия «художественная картина мира».

В отличие от научной картины мира, всесторонне и широко исследованной, художественная картина мира ждет своих исследователей. Основная трудность в изучении этой категории заключается в том, что художественная картина мира строится на основе выявления экзистенциальных потребностей человека в самовыражении. Таким образом, невозможно построить абстрактно-идеализированный конструктор, необходимый для анализа проблемы. Поэтому интегральным систематизирующим фактором построения художественной картины мира выступает духовность как конкретно-исторически воплощенная субъективность. Формы субъективности бесконечны, каждый художник предоставляет свое понимание культуры. Тем не менее можно найти наиболее общие мировоззренческие потребности построения художественной картины мира. К ним, по нашему мнению, относятся: тоска по утраченной цельности восприятия мира, стремление к постижению духовной смыслосозидающей силы мироздания, принципы совершенства мира, поиски способов выражения духовной субъективности, которые и определили осно-

вы философско-художественного осмысления картины мира у поэтов К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова.

Словосочетание «художественная картина мира» давно и широко упоминается в гуманитарных науках. Каждый художник строит свою онтологию художественной картины, индивидуальные картины мира разных художников синтезируются в том направлении, к которому принадлежит конкретный художник мировоззренчески и художественно-стилистически.

Художественная картина мира вписывается в мировоззрение эпохи, тесно взаимодействуя с картиной мира и проникая в нее. Это взаимодействие возникает в результате импульса художественных систем, являющихся формой конкретно-исторического художественного развития и входящих в контекст языкового и художественного представления о мире.

Каждая эпоха порождает идеи, претендующие на всеобщность. Возникновение же современных идей преследует характерное явление, преобразующее глобальный пафос всеобщего в общее дело. Образцом этого могут послужить популярные во все времена призывы к всечеловеческому единению, чья необходимость особенно заострилась в наши дни. Необходимость остается, однако, не препятствует при этом ни нереализуемости идеи, ни переходу ее в слишком привычное созвучие. То ли смысл желаемого громоздок и неконкретен, то ли нет достаточных способов его воплощения в жизнь, но, даже объективируясь, идеи чаще всего предстают в самых примитивных формах. Так, межчеловеческое объединение, всеобщая коммуникация нуждаются в упразднении границ, отчуждающих людей друг от друга, и, в частности, межнациональных различий, что, в свою очередь, нередко оборачивается уничтожением национальных черт, пренебрежением национальными традициями, а, стало быть, и культурой таковой.

На этой почве буйно распространяются мечты о выработке синтезированной культуры и единого языка общения. Но мысль, преодолевающая естественный язык, вырываясь из размеченного им бытия, обнаруживает себя все в той же среде, пусть и трансформированной собственным усилием по ее преодолению. Мысль без языка – нема, а для откровения необходимо подыскивать язык, чтобы не остаться на уровне личного мистического опыта. Однако язык без мысли легко может сорваться в болтовню, то есть ослепнуть,

потому кажется закономерным рассматривать естественный язык как системопорождающую среду мысли, преодолеваемую мыслью в попытке положить языку предел, актуализируя тем самым скрытые потенции и языка и мысли.

Одно из направлений философской мысли связано, прежде всего, с именем М. Хайдеггера, давшего знаменитую по своей емкости и краткости характеристику языка как дома бытия. В связи со своей идейной зависимостью от гумбольдтианских идей, к этому направлению он может быть причислен с достаточной долей условности, так как, согласно В. Гумбольдту, каждый естественный язык – это особый способ видения мира. Поэтому получается ситуация, называемая М. Хайдеггером «региональными онтологиями» в том смысле, что у каждой языковой культуры есть собственная предметность в виде своего естественного языка. Позиция М. Хайдеггера, как, впрочем, и большинства русских философов, находится в некотором «между» онтологией и концептологией.

Второе направление, представленное именами Б. Рассела, У. Куайна и Л. Витгенштейна, во многом определило логическую проблематику исследования языка и задало ее дальнейшую перспективу. Э. Кассирер, которого невозможно не упомянуть в свете языковой проблематики, обнаружил фундаментальную символичность языковых форм, связав язык с основополагающей способностью человека к символизации, наряду с наукой, мифом, искусством.

Третье направление, оказывается, пожалуй, самым трудным в определении его по персоналиям, ибо о концепте в том смысле, как он представлен в нашем исследовании, хотя бы косвенно говорят многие мыслители.

Поэзия, во многом опираясь на свою полисемичность, взывает к субъективному, а значит – к личностному, которое находит доступ к множественному, оставаясь тем, что оно есть. Здесь верность своим истокам – залог относительной неслиянности с чем-то другим, выраженности, следовательно, подлинности существования. Эта область культуры, рефлексивная природа которой, через индивидуальное, отдельное, пытается вернуть человеку самого себя. Хотя не исключаются и крайности, что непосредственно касается национальной поэзии: нередко углубленность в единичное провоцирует отрыв от того смыслового общего, вне которого сама категория единичности вообще перестает быть таковой.

Но с другой стороны, необходимо учитывать самозначимость единичного, поскольку оно, в том или ином виде, конструирует общее. Напряжение, существующее между этими тенденциями, пронизывает рассматриваемую в настоящей работе поэзию Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева, Алима Кешокова. Рассмотрим и сопоставим их поэтическое творчество, художественно и философски раскрывающее картину мира.

Проблемное поле семиозиса культуры, ее семиосферы занимает сегодня одно из главных мест в программе культурологических исследований. Большая часть этих исследований сосредоточилась вокруг проблем вербального языка, который в силу своей содержательной универсальности является основным средством передачи информации и общения людей и потому выполняет в культуре особые функции. Исследования вербального языка, являющегося естественной знаковой системой, способствовали становлению в начале XX в. семиотики как научной самостоятельной дисциплины и во многом повлияли на методологию анализа вторичных моделирующих систем. В семиотике язык описывается в трех измерениях: семантическом, синтаксическом и прагматическом. Семиотический подход, таким образом, позволяет осмыслить язык как феномен культуры, исследовать строение семиозиса культуры в целом.

Напомним, что первые попытки осмысления языка можно увидеть уже в античной философии – диалоги Платона и «логос» Гераклита, работы Аристотеля и стоиков. За знаменитым спором средневековых номиналистов и реалистов также стоит стремление разрешить вопрос об онтологической природе языка. Однако только в наше время становится возможным исследование языка как феномена человеческой культуры. Впервые это удалось Вильгельму фон Гумбольдту, создателю деятельно-энергетической концепции языка. Последняя органично вошла в современную философию культуры, философию языка и антропологию. По В. Гумбольдту, каждый язык имеет свою «внутреннюю форму», специфическую структуру, (грамматический строй и присущие ему способы словотворчества – например, «способ обозначения»), обусловленную «самобытностью народного духа». Понимая язык как орган, образующий мысль, В. Гумбольдт подчеркивал зависимость от мышления и обусловленность его каждым конкретным языком, заключающим в себе национальную самобытную классификационную систему, которая

определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира. Говоря о том, что, овладевая другими языками, человек расширяет «диапазон человеческого существования», В. Гумбольдт имел в виду именно постижение при помощи языка – через «языковое мировидение» картины мира и культуры другого народа.

Продолжая в целом заложенные В. Гумбольдтом традиции – интерес к семантической стороне языка, изучение языка в неразрывной связи с культурой конкретного народа, подчеркивание активной роли языка в мышлении и познании, – неогумболидианская школа (в ее основе европейские представители) опирается на философское учение Эрнеста Кассирера, который являлся самым последовательным приверженцем кантовской трактовки символической природы культуры. На первый план он выдвигал изучение роли языка в культуротворчестве – «критике языковых форм мышления». Философская концепция Э. Кассирера впервые прямо совпала с предметом философии культуры, которая понимает как продукт символической деятельности человека, в свою очередь опосредованной символической речью.

Исходя из взаимообусловленности существа человека и культуры, Э. Кассирер во «Введении в философию культуры» анализировал основные из существовавших в истории концепций человека и пришел к выводу, что «символ – ключ к природе человека». Человек, по Э. Кассиреру, живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме; язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетаются символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Философ утверждал, что весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть, человек уже не противопоставляет реальности непосредственно, но не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая активность человека.

Традиционная ошибка, по Э. Кассиреру, состоит в том, что язык обычно отождествляется с разумом, хотя в таком определении часть предстает вместо целого. Ведь наряду с концептуальным языком существует эмоциональный язык, наряду с логическим или научным языком существует язык поэтического воображения, язык культуры.

Трудность адекватного языка поэтического описания рассматриваемых поэтов – К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова – подразумевает преодоление инерции смысловой нагруженности, закрепленной за используемыми терминами, включенными в другой контекст во времена своего возникновения. Более того, из этого следует закономерное создание иного языка описания, ибо эволюция поэтической мысли приводит к неотделимости описываемого предмета от языка, на котором предмет описывается.

Художественная картина мира это: информация о мире в целом и отношении человека к этому миру, и комплекс принципов познания, как всеобщий метод познавательной деятельности.

Основная трудность в изучении художественной картины мира заключается в невозможности построения абстрактно-идеализированного конструкта художественной картины мира, так как она строится на основе экзистенциальных потребностей человека в самовыражении. Необходимо исследовать отдельные явления отображения художественной картины мира в сопоставлении с общим масштабом культуры как глобального состояния.

Художественная картина мира отображает (визуализирует) человеческое бытие через текст художественного произведения. Всякое произведение искусства формируется картиной мира эпохи и попадает под значительное влияние индивидуальной картины мира художника.

Художественное отображение действительности всегда представляло особый интерес для исследователей культуры. Картина мира, преломляясь в сознании художника, визуализирует как его собственные, так и эпохальные представления о мире, то есть сама как бы является реципиенту через произведения искусства.

В нашем исследовании мы рассматриваем художественную картину мира в большей степени применительно к поэзии, однако это вовсе не означает, что отображение художественной картины мира в других видах искусства имеет прямо противоположную специфику.

Визуализация в художественном произведении может быть рассмотрена в трех уровнях:

- описательном, визуализирующем картины пейзажа и интерьера;
- повествовательном, рассказывающем об основных и второстепенных событиях всего произведения;

- и когнитивном, имеющем непосредственное отношение к подтексту всего произведения, а значит, к его символу.

Все три уровня тесно переплетены друг с другом, обуславливают функционирование друг друга и скрепляются, на первый взгляд внешне, сюжетом произведения.

Словом «сюжет» (от *фр.*) в литературном произведении обозначается цепь событий, воссозданная в этом произведении, то есть жизнь персонажей в ее пространственно-временных изменениях, в сменяющих друг друга положениях и обстоятельствах. Современные философы применяют понятие «сюжет» не только к литературному произведению, но и к любому другому произведению искусства, будь то живопись, музыка или танец. Действительно, изображаемые художником реалии составляют основу предметного мира любого произведения живописи, балета, кинематографии т. п. Сюжет, в сущности, является неким составляющим картины мира, отображаемой искусством. «Вечные» сюжеты вбирают в себя вечные эстетические ценности и кочуют из эпохи в эпоху. Это вполне доказывает то, что картина мира универсальна для эпохи в целом

Художественная картина мира формирует ядро любого текста, на которое, по мнению представителей Йельской школы, наслаивается бесконечное множество смыслов.

Вечные категории добра и зла по-разному воплощаются в разных художественных произведениях, но не было такой эпохи, когда бы тема добра и зла не была бы отражена в сюжетах произведений искусства.

В настоящее время термин «сюжет» используется очень широко, его стали применять даже политологи, называя сюжетом тему разговора, посвященного определенному развитию событий. Однако классической сферой применения понятия «сюжет» по-прежнему остается литература, в нашем случае – поэзия.

К. Мечиев был духовным пастырем балкарского народа, вовсе не претендуя на роль лидера. Трудно не заметить, что его поэтические произведения поднимаются до высот мировой философии. Об этом свидетельствует такой шедевр его философской лирики, как «Мир – тяжкая тропа...»:

Мир – тяжкая тропа, где скорбь и горе,
По той тропе чьи ноги не прошли?

Мир – это взбаламученное море,
И чьи в нем не тонули корабли?
Перевод С. Липкина

Глубокое постижение веры К. Мечиевым мы видим в зикирах – песнопениях на исламские темы – и его светских стихах. В них есть и то философское содержание, которое безошибочно чувствует сердце – может измениться и исчезнуть все, но всегда будет внутренний мир человека и его связь с Абсолютом, Создателем. По мнению К. Мечиева, это делает жизнь человека осмысленной и самодостаточной, это позволяет душе человека не раствориться в бедах, невзгодах и несчастье. В замечательной поэме «Бузжигит» он находит точные, мудрые слова об истинных человеческих ценностях:

Прославлен тот, кто строит,
Но помни, дорогой,
Что славы блеск не стоит
Одной слезы людской.
Ребенка защищая,
Мы счастье утвердим.
Что слава мировая
Пред этим счастьем? Дым!
Увы, богатство тленно,
И слава, и почет.
Лишь доброта бесценна,
Лишь правда не умрет.
Перевод С. Липкина

Как заповедь звучат эти строки. В них – глубокая правда: неистребимы любовь, доброта, человечность.

Философия драмы человеческого существования первой половины XX в. открылась К. Мечиеву, и только молитвы и чтение отвлекали от повседневных страданий, но и одновременно приближали к сути вещей и явлений, где и скрывался вопрос его философии: почему и для чего посылаются людям страдания.

Человек волен выбрать любое решение, за которое ему потом неизбежно придется отвечать. К. Мечиев верил, что тот, кто на практике отвергает Божьи законы, а личный интерес ставит пре-

выше всего, тому Небо не помощник. Уже в поэме «Тахир и Зухра» он писал:

Бог единый – вот начало всех начал,
Тем опора, кто душой не измельчал.
Перевод Г. Яропольского

У К. Мечиева было «вечное дело», и он был приговорен к пожизненному постижению философской истины через поэтическое слово.

Влияние русской философии на язык стиль мышления можно проследить в философской лирике К. Кулиева, сыгравшей большую роль в процессе формирования и развития национального самосознания и менталитета балкарского народа, становления его духовной культуры. По выражению Ст. Рассадина, поэзию Кулиева формировали русская поэтическая классика, народная поэзия балкарцев и вообще горцев, наконец, великая культура Востока. Восточное мышление К. Кулиева опиралось на философскую лирику Ф. Тютчева, стремившегося к воссоединению духовности природы и духовности человеческого сознания. Поэт считал Ф. Тютчева одним из своих учителей в поэзии.

Философская лирика К. Кулиева – явление глубоко национальное, в то же время она носит общечеловеческий характер, органично вписавшись в русскую поэзию. «Русский» Кулиев в лучших переводах Н. Коржавина, Н. Гребнева, С. Липкина, Дм. Кедрина, Н. Тихонова и других сразу стал широко известен в нашей стране и прочно завоевал сердца миллионов читателей проникновенным лиризмом и глубиной философской мысли. Гармоничное соединение опыта развития русской и восточной философии, ее рационального зерна, так или иначе, способствовало формированию своеобразия кулиевского творчества, непосредственности восприятия им реального мира природы и жизни человека, особенно субъективности чувственного восприятия черного и белого цветов – в осмыслении человеческого бытия.

Поэтический дар К. Кулиева естественно впитал в себя российскую и западную национальную идею целостного гармоничного развития общества и человека, мира природы и Космоса. Так, для Н. Г. Чернышевского «человек – это высшее произведение приро-

ды» и на него надо смотреть как на одно существо, имеющее одну натуру; для философа Вл. Соловьева «человек есть вместе и божество и ничтожество», а для Н. А. Бердяева «человек есть микрокосмос. Он сотворен по образу и подобию Бога». Для К. Кулиева, поэта-мыслителя и лирика – «человек – это царь земной и Бог, сошедший с неба». Это разные, но и сходные точки зрения в философии и поэзии на природу и сущность человека. Новое мироощущение выразили русские философы, а художественно отразил глубинное, внутреннее ощущение целостности и гармоничности мира поэт, гуманист конца XX в. Эти мотивы и идеи можно проследить в поэтическом решении К. Кулиевым «вечных тем»: о быстротечности времени, о старости, смерти; в философских рассуждениях на тему счастья, природы; гуманистической сущности человеческих деяний в пейзажной лирике, в стихах о загранице, о родном крае и земляках; в гуманистическом решении темы войны и мира; о гуманных традициях, преемственности поколении людей, о женщине-матери, о любви и в ее лирико-философском решении. В его стихах, посвященных старости и смерти, легко проследить линию трагического пафоса, идущего от античного искусства, фольклорно-трагедийных жанров и русской философии.

Поэтическое решение К. Кулиевым вечной философской категории жизни и смерти, быстротекущего времени и старости не только трагично. Он понимал, что время уходит безвозвратно, оно быстротечно, и однажды он не сможет встретить весну, почувствовать жажду и вкус земной соли и меда, не сможет греться у костра, забудет тепло материнских рук и добрые руки жены.

Не встречу я первого снега
И с черной папахи своей
Морозного белого меха
Стряхнуть не смогу у дверей.
Перевод Я. Козловского

По мнению известного исследователя творчества Т. Е. Эфендиевой, смерть не может не волновать человека, поэта тем более, сердечная чуткость которого повелевает ему быть верным жизненной правде. В стихотворении «Черный конь умирает на белом снегу...» говорится о смерти человека, прошедшего большой жизненный

путь, сделавшего много добра и теперь погибающего «от жилья вдалеке, и слеза застывает на печальном зрачке». Необычное художественное решение – изображение смерти коня – воспринимается как гибель человеческой жизни. Остро осознается неотвратимость смерти, и природа откликается на нее:

Снег на склоны сползает,
Увядают цветы.
Черный конь погибает.
Жаль такой красоты.
Перевод Н. Гребнева

Трагический настрой усиливается оттого, что гибнет красота, а она равносильна жизни:

Смерть поблажек не знает,
И, упав на бегу,
Черный конь умирает
На белом снегу.
По дорогам горячим
Нес он всадников вскачь,
Где бы ни было скачек,
Он не знал неудач.
Повидал он немало
Рек и склонов окрест.
Привозил он бывало,
Тонкостанных невест.
Смерть поблажек не знает,
Всех сгибает в дугу.
Черный конь умирает
На белом снегу.
Перевод Н. Гребнева

Доминирующий мотив в стихах этой тематики у К. Кулиева – печаль, и она обретает свою философию логической мысли, объективной трагической действительности, которой подвержено все живое на земле:

Человек впервые сказал:
Мне хорошо!

Это было истоком и началом всех песен о радости, о благе жить. Человек в свой счастливый час смотрел на синеву неба и слушал шум реки. Зеленела трава. Сияли звезды. Так родилась поэзия веры в жизнь:

Человек впервые сказал:
Мне больно!

Это было истоком и началом всех песен горя. Человек смотрел на тучи над своим жилищем. Трава не зеленела. Звезды не сияли. Так родилась трагическая поэзия.

Влияние русской философии на стиль мышления К. Кулиева прослеживается и во многих других лирических произведениях, в которых проблема гуманизма и ее художественное решение тесно связаны с арсеналом не только национальных поэтических образов, но, главным образом, с отечественной и мировой поэзией и классической философией.

Его поэзия органически сочеталась с этнопсихологическими и этнокультурными образами горских народов, с величественной панорамой родной земли, движением белоснежных облаков и постоянством горных вершин, с шумом разноцветных чегемских водопадов, мудростью старших, благородством матерей. В лице матери-горянки К. Кулиев воспел всех матерей мира и точно сказал, что может их волновать:

Первой пулей на войне любой
Поражает сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

Перевод Н. Гребнева

Во имя самых высоких гуманистических идеалов и активной любви к людям, своей семье и детям живет на свете Женщина-мать со своей многотрудной судьбой.

Значимость философско-художественного осмысления картины мира у К. Кулиева заключается еще в том, что в центре бытия он всегда ставил человека, воспевал его, как и красоту природы, дружбу и братство людей. Он понимал цену между отдельными людьми,

нациями и странами. Цена этой дружбы людской велика, ибо корни ее уходят в глубину столетий:

Чингисхановским копьям, арканам и стрелам
Умертвить то содружество не удалось,
Пыль далеких веков на него не осела,
Все доспехи всех орд проржавели насквозь.
Это братство живет в одинаковых сказках
Неизвестных сказителей разных племен,
В материнских тревогах, заботах и ласках,
Одинаковых всюду с древнейших времен.

Перевод Н. Гребнева

К. Кулиев очень высоко ценил человека, он ценил в нем его ум, творческое начало, преобразовательскую деятельность в покорении природы. Ученые видят в человеке исходное начало, и это главный предмет всякой философии. И эту главную проблему XX в. К. Кулиев поднял на самый высокий уровень социально-философского и художественного общения. Его поэзия вобрала в себя судьбы человечества, и сам поэт предельно ясно выразил свои идейно-эстетические принципы творчества:

Весь мир, где льется кровь,
Весь в сердце у поэта.
Мы сердце всей земли.
Мы соль ее несем.

Перевод Н. Гребнева

В одной из своих статей он писал о назначении поэта и поэзии:

«Поэзия, как жизнь, как родина, любит верность и преданность. Она не позволит баловаться с ней от нечего делать и за измену мстит забвением. Так было со многими стихотворцами, которые пытались обмануть ее. Искусство не терпит обмана. Для настоящего художника оно так же священно, как хлеб»¹.

Вопрос о философии языка в произведениях К. Кулиева можно переформулировать как вопрос о языке в философии. За более чем двухтысячелетнюю историю существования философия выработала

¹ Кулиев К. Ш. Я жил на этой земле. – Нальчик, 1999. С. 155.

свой специфический язык, для понимания которого необходима включенность в историко-философскую и культурную традицию, предполагающую чуткость и внимательность к естественно-языковой среде народа, из которой вырастают философские и культурологические термины. Но, вырастая и отпочковываясь, эти термины начинают жить самостоятельной жизнью, создавая универсум мира идей во взаимосвязанности понятий. Так рождается в научной мысли дискурс, не порывающий связи с естественно-языковой стихией, но и всякий раз претендующий на ее преодоление. Естественный язык оказывается предпосылкой, которая должна быть преодолена, чтобы заговорил язык мысли поэта.

Но поэтическая мысль, преодолевающая естественный язык, вырываясь из размеченного им бытия, обнаруживает себя все в той же культурной среде, пусть и трансформированной собственным усилием по ее преодолению. Повторим, что мысль без языка – нема, а для откровения необходимо подыскивать язык, чтобы не остаться на уровне личного опыта.

В своих стихах К. Кулиев говорил только о том, что он пережил, видел, знал, чем дорожил, любил, порицал.

Вся поэзия, а также его многочисленные литературно-критические статьи проникнуты подлинным гуманизмом. Проблема гуманизма многоаспектная, но важнейшим ее содержанием является человечность. В своих стихах поэт стремился создать поэтически-философскую картину мира, в которой ярко изображено вечное противостояние человечности и бесчеловечности, добра и зла. Утверждение подлинного гуманизма всегда ставит множество сложных и трудных задач. Социальное зло – реальная сила, и без победы над ним нет добра. К. Кулиев глубоко понимал эту истину, он, видевший так много жестокого, бесчеловечного в своей жизни, воспевал в своих стихах мужественного, стойкого человека, умеющего вести непримиримую борьбу со злом и несправедливостью:

Есть на земле поэты и пророки,
Есть в мире свет, но в мире есть и мрак,
Есть мудрость: зуб за зуб, за око – око,
И кровь за кровь, и кровь за просто так.
Я спать хочу, как в бурю в гнездах птицы,
Но в мире, что манящ и так широк,

Покоя людям нет, мне не спится
От обступающих меня тревог.
Дай силу жить нам с верой непреклонной,
Что даль вдали воистину бела,
Чтобы, припав к земной груди зеленой,
Мы знали, что добро сильнее зла,
Что никогда пережитое горе
Не повторится вновь, что никогда
Продымленный твой хлеб не будет горек,
Что кровь не будет литься, как вода.

Перевод Н. Гребнева

Тревога за судьбу земного шара – это было не предчувствие войны, а осознание ответственности людей, умудренных жизненным опытом, за судьбу мира, это ясное понимание возможности катастрофы, которая не поддается описанию. Боль бывшего солдата за тех, кто живет, будет жить и нести ответственность за все сущее на Земле:

Лавины копятая, бушует море,
Порой бывает, я всего боюсь,
Наш мир, познавший столько бед и горя,
Ожесточенья твоего боюсь.

Перевод Н. Гребнева

Накопившиеся лавины и бушующее море как символы в поэзии К. Кулиева – не просто абстрактная реальность, природные явления и логические понятия. Он воспользовался этими образами и аллегориями, чтобы выразить свои тревожные думы, чувства, истину, философски осмыслить новую картину мира.

Картина мира универсальна в смысле единства всех ее компонентов. Художественная картина мира является диалектической стороной общего процесса постижения действительности. Как уже отмечалось нами, картина мира создается действительностью, но в то же время влияет на нее, активно меняя представления, суждения все о той же действительности. Художественная картина мира, являясь компонентом универсальной картины мира, символически трактует действительность, являя ее в художественных образах и сюжете. Таким образом, символ, порождающий универсальную

картину мира, трансформируется в художественной картине мира и вторично шифруется в сюжете и художественных образах. Сюжет, таким образом, представляет собой некоторый сгусток всей информации, заложенной в художественной картине мира. С другой стороны, именно художественная картина мира «диктует» определенный сюжет, как бы являясь «геном» любого сюжета. Исследователю необходимо иметь в виду неослабевающую активно-преобразующую функцию искусства – оно не только отражает социальные процессы, не только свидетельствует о состоянии общества, но и непосредственно и опосредованно влияет на сам ход исторического процесса.

Любое художественное произведение ставит перед собой эту задачу и стремится решить ее. Целям более полного и адекватного познания и осмысления действительности служат специфические средства и способы художественного отображения действительности. Так, например, цветовые нюансы в живописи, монтаж в кинематографе и т.д. В поэзии – это ритм, интонация, мелодия. Категорией, объединяющей художественные средства выражения, является «сюжет» музыкального, художественного, литературного или кинематографического произведения. Эволюция сюжета – важнейший сдвиг в проникновении диалектики в художественное изображение жизни: последовательно преодолевались однолинейность и схематизм в обрисовке характеров, мир человека раскрывался глубже и полнее во всей сложности мыслей, чувств, скрытых импульсов, детерминированности поступков социальными и индивидуально-психологическими мотивами.

Сюжет – это сложная метафоризация символа, лежащего в основе картины мира. Проникновение во всю глубину сюжета раскрывает новые возможности постижения символа. Сюжет развивает как реалистические, так и символические, романтические, фантастические условия форм отображения действительности.

Перефразируя известное рассуждение П. Флоренского по поводу восприятия изображения на картине, можно сказать, что, пытаясь расшифровать отрезок картины мира, зашифрованный в сюжете поэтического произведения, разум воспринимающего «сотворчески воспроизводит в себе картину».

Трудно переоценить роль искусства в разрушении представлений о незыблемости становящихся консервативными порядков и

установленной веками социально-культурной иерархии. Искусство очень чутко фиксирует изменения, которые происходят в общественных представлениях, отзываясь на них, так что становится сложным понять, действительность ли трансформирует искусство, или же искусство действительность.

Художественная картина мира, отражающая реальность, заставляет художника обращаться к внехудожественной реальности, без которой невозможно существование искусства. «В основе поэзии лежит материал, извлекаемый вдохновением из действительности. Отнимите у поэта действительность – творчество прекратится». Эти слова Вл. Ходасевича справедливы применительно не только к поэзии, но и к другим формам искусства. Глубины внехудожественной реальности составляют едва ли не главный объект художественного познания. В творчестве художника устремленность подобного рода играет решающую роль. В составе литературного процесса темы внутри художественного характера являются частностью. Художественное творчество, как показывает практика, не замыкается на самом себе.

Беспокойное чувство гражданина земли пронизано глубоким раздумьем, доходившим до философских обобщений и в поэзии А. Кешокова. Тема культуры, быта, истории, традиций и обычаев народа прослеживается с самых первых поэтических работ А. Кешокова. За отдельными характеристиками, наблюдениями, оценками, содержащимися в его трудах, прослеживается определенная система взглядов на историко-культурный процесс. Он понимает культуру как накопление опыта, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих частную личную жизнь отдельного человека, устанавливающих и совершенствующих отношения между людьми, не делает различия между понятиями «культура», «история» и «цивилизация».

Классическая трактовка культуры, восходящая к исконному значению этого слова – «возделывание», в то же время близка к современному пониманию культуры как способа человеческой жизнедеятельности, способа передачи опыта и информации. Главным в культуре поэт А. Кешоков считал человека и человеческое общение, связь развития человека и общественных отношений. Потому не случайно, что греческое понятие, к которому возводят слово «история», соединяет в себе способность человеческого мышления и

духа: расследование, узнавание, установление. Существуют некие признаки, отсылающие читателя к реальной истории: осознание времени, тема памяти, исторические аллюзии, приводящие в произведение через название имен, событий.

На наш взгляд, история имеет место там, где в настоящее вступает момент саморефлексии, тогда и все категории, вроде «триединства времени», памяти и тому подобного, активизируются как следствие. Важно не упустить при этом, что саморефлексия времени осуществляется, конечно, через рефлексию творца произведения.

В связи с ведущей ролью литературы в формировании личности А. Кешоков старался поднять не только злободневные вопросы современности, но и раскрыть сущность человека в экстремальных условиях, когда проявляется нравственный потенциал каждого. Ситуация нравственного выбора основана на «столкновении между уровнем нравственного сознания и требованиями нравственного идеала». Поступок в ситуации нравственного выбора становится мерилем нравственности человека, уровня его сознания.

В этой многосложной работе современных исследователей над художественным изучением внутренней (духовной, нравственной, психологической) жизни человека место А. Кешокова весьма значительно. А вместе с его влиянием на многогранный литературный процесс, кабардинскую национальную поэтическую систему, на отдельных авторов опыт его приобретает особый смысл.

Размышляя об особенностях XX в., поэт считал, что необходимо было прежде всего вскрыть все те негативные явления, которые тяжелыми путями обвивали мысли, разум, волю человека. А. Кешоков через все свое творчество проносил и утверждал мысль о том, что в центре внимания поэта всегда стоит человек, с его исканиями, нравственными проблемами, постижения смысла жизни. Поэт не может оставаться в стороне от волнующих весь мир проблем, он обязан видеть и понимать, что представляет собой современный мир, современный человек, проникнуться его мыслями, страданиями, радостями, он обязан способствовать выработке подлинно современного мышления, предвидеть, как поведет себя человек в экстремальной ситуации, способствовать обогащению внутреннего мира, предотвратить деградацию личности.

А. Кешоков исследовал отношения человека и общества, человека и мира, человека и истории. Существенным отличием поэтиче-

ских произведений А. Кешокова является то, что философскими размышлениями насыщена сама художественная структура, основанная на национальных традициях, выражающаяся в народно-философских образах:

У прошлых я спросил столетий:
– Где то, что счастьем мы зовем? –
Ответили столетья эти:
– Мы счастье впереди найдем.

И поскакал я, полон страсти,
К тому, что счастье мы зовем,
Чтоб, как возлюбленную, счастье
Умчать на скакуне своем.

Но век сказал мне самый младший:
– То, что ты ищешь, – пред тобой.
Вступи за счастье в бой горячий:
Зовется счастьем этот бой.

Перевод С. Липкина

Это и другие стихотворения-образы А. Кешокова всегда приводят к глубоким эмоциональным и философским обобщениям.

В лирико-философском этюде «Путь всадника» образ одинокого всадника объединяет все чувства и помыслы лирического героя. Художественная картина мира, показанная А. Кешоковым в этом стихотворении, представляет собой одновременно и авторское понимание, и кабардинскую народную легенду, по которой во время всемирного потопа один всадник спас табун лошадей и увел их по Млечному Пути. Единство двух образов – Млечный Путь и Путь Всадника – является для национальной поэзии Кабардино-Балкарии глубоко устоявшимися образами-символами народного мифа и реальной жизни:

Наездников умелых много тысяч
Добром земля могла бы помянуть,
Но кто из них сумел отважно высечь
Свой след на ней, как в небе Млечный Путь?

Перевод С. Липкина

Художественная картина мира и ее понимание в поэзии А. Кешокова раскрывается и в лирико-философских произведениях, где поэт ставит не частные вопросы бытия своего героя, а коренной вопрос о его месте в происходящей борьбе, где в условиях социалистической действительности России XX в. формировалась новая человеческая личность. В эту историческую эпоху нашего Отечества, называемой сегодня советской, действительно пытались воспитывать у человека новое мировоззрение, развивать новый интеллектуальный мир и т. д.

Также и герой философских стихов А. Кешокова являлся героем своего времени. Он отличался от остальных героев кабардинской поэзии не только тем, что не созерцал действительность, а главным образом тем, что был беспокойный и жадный до жизни борец. Герой А. Кешокова не хочет просто наслаждаться жизнью, он жаждет жизни-борьбы:

...Лишь ради жизни ценятся дела,
Вне жизни нет путей к победе, к славе,
Лишь тот за жизнь свою бороться вправе,
Кто в бой вступал, чтоб жизнь кругом цвела.

Перевод С. Липкина

Уже сама постановка темы – жизнь-борьба – говорит о расширении в кабардино-балкарской поэзии XX в. понимания художественной картины мира. В частности, поэтические произведения А. Кешокова «Ради жизни», «Я видел смерть» и другие свидетельствуют об отходе от натурализма к более углубленному анализу действительности.

Философская лирика поэта стала изображать человека во всей масштабности его мироощущения, сам человек духовно вырос, в его сознании слиты прошлое, настоящее и будущее:

В горах, как древней рукописи строки,
Морщин сплетенье вижу на скале,
Какие начертали их пророки
На неподвижном сумрачном челе?

Перевод Я. Козловского

Борьба за счастье и смысл понятия «счастье» в философском его понимании у А. Кешокова проходит через все поэтическое творче-

ство, начиная с первых стихотворений, выкристаллизовывалось в тяжелые годы Великой Отечественной войны (1941–1945) и окончательно сформировалось в философском аспекте как счастье – жизнь. В удивительной философской миниатюре «Счастье» поэт пропел гимн непрерывному движению, вечной борьбе и стремлению двигаться только вперед.

В живой и яркой философии А. Кешокова привлекает объемность мысли и одновременно ее предельная собранность, глубина художественного осмысления картины жизни. Поэт по-своему увидел жизнь и в оригинальной форме выразил увиденное:

Сперва фамильный знак творили,
Затем, чтоб жил во временах,
Им, огнедышащим, таврили
Коней в поджарых табунах.

.....
И ныне, как в былое время,
Порою кубка серебро,
Оружье, перстень или стремя
Венчает мастера тавро.

И вечно одержимы жаждой
Поэты утверждать добро,
И подпись под стихами каждый
Привычно ставит, как тавро.

.....
Пишу и думаю в тревоге
Сегодня так же, как вчера:
Оценят всадники ль в дороге
Вас – кони моего тавра?

Перевод Я. Козловского

Одной из составляющих художественно-философского осмысления картины мира у А. Кешокова является образ матери. Психологически тонко он передан поэтом в стихотворениях «Свет в окне», «Сон матери», «Матери», «Когда ты вспомнишь, мать, меня...» и др. Образ матери – один из глубоко национальных и народных образов в лирике А. Кешокова.

Цикл его поэтических произведений о матери – значительное явление в кабардинской поэзии XX в., в котором сказалась задушевность и глубина раскрытия лирической темы, являвшейся одной из главных тем на протяжении всего творчества А. Кешокова. За по-

стоянством этой темы стоит огромный философский потенциал, что делает поэта и его поэзию типологичным творчеству таких известных поэтов Кабардино-Балкарии и всего Северного Кавказа XX в., как К. Кулиев, Р. Гамзатов, М. Карим, Д. Кугультинов и др.

Таким образом, исследовав проблему художественно-философского осмысления картины мира поэтами К. Мечиевым, К. Кулиевым и А. Кешоковым, мы можем сделать следующие **выводы**:

– художественная картина мира, сформулированная в произведениях К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова как концепция духовности, художественной и эстетической ценности произведения с глубокой философией и граждански содержательным смыслом, стремительно и высоко подняла значение поэзии в общественной жизни Кабардино-Балкарии, особенно во второй половине XX в., способствовала формированию духовного и нравственного сознания народов Северного Кавказа, так и российского общества в целом;

– рисуя художественную картину мира, поэты смогли достигнуть синтеза прозаического и лирического, драматического и иронического. Это очень тонкий синтез, где есть и фантазмагория истории и притчи, где образы и сравнения свежи и неожиданны, где четкая архитектура текста акцентирует философию поэтической мысли авторов;

– философия творчества поэтов рождалась не из страха, небытия, а, наоборот, из тесного контакта с жизнью, из столкновения внутреннего мира поэтов с внешним миром жизни. Проблема смысла жизни – среди наиболее важных ценностей для человека. Взгляд человека на проблему смысла жизни формируется через осознание ими конечности своего бытия. Художественная картина мира К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова включает в себя представления о личности и ее отношении к обществу, о свободе, равенстве, чести, добре, зле, правде, семье, о соотношении нового и старого;

– исследование поэтических традиций К. Мечиева, К. Кулиева и А. Кешокова в современном литературном процессе Кабардино-Балкарии только началось. Громадное культурное значение их творчества, нравственный заряд, заложенный в них, будут требовать все нового и нового осмысления не только в научных целях, но и для того, чтобы глубже понять смысл жизни и человеческого бытия, восхищаться их великими поэтическими творениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пафосом современной литературы является наказание за любую нравственную вину, будь то преступление перед любовью или добротой, совестью или честью, детской доверчивостью или старческой беспомощностью. Аналитически литература вникает во все мотивы поступков, но судит придирчиво и бескомпромиссно. И не только литература, но и жизнь, а значит, люди. И все-таки добро, вера в человека, в его духовное богатство, нравственную чистоту торжествуют над предательством родины, близких, себя.

Размышляя об особенностях своего времени, и К. Мечиев, и К. Кулиев, и А. Кешоков считали, что необходимо, прежде всего, вскрывать все те негативные явления, которые тяжелыми путями обвивают мысли, разум, волю. Мы, чаще всего, обнадеживаем себя, что сейчас что-то не так, но в будущем будет все прекрасно. Однако то, что не заложено в настоящем, не может проявиться в будущем.

Поэт не может оставаться в стороне от волнующих весь мир проблем, он обязан видеть и понимать, что представляет собой современный мир, современный человек, проникнуться его мыслями, страданиями, радостями, он обязан способствовать выработке подлинно современного мышления, предвидеть, как поведет себя человек в экстремальной ситуации, способствовать обогащению внутреннего мира, развивать его культуру, предотвратить деградацию личности.

Поэты Кабардино-Балкарии (К. Мечиев, К. Кулиев, А. Кешоков) исследуют отношения человека и общества, человека и мира, человека и истории. Существенным отличием их произведений является то, что философскими размышлениями насыщена сама художественная структура, основанная на национальных традициях, выражающаяся в народно-философских образах. В центре внимания поэтов – судьба духовных и нравственных ценностей в современном мире.

Огромная любовь к человеку, глубокое чувство национального опыта позволяют К. Мечиеву, К. Кулиеву, А. Кешокову остро реагировать на проблемы современного им мира. Они считали, что

необходимо найти общий подход к общечеловеческим проблемам, невзирая на государственные, социальные и национальные различия.

Пройдут многие века, и каждое поколение будет обращаться к творчеству К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова, чтобы глубже понять смысл жизни и человеческого бытия, восхищаться их великими творениями.

Талант поэтов выражает глобальные мировоззренческие проблемы, ясное небо, чистые снега гор, великие идеи человечества, которые принесли с собой Петрарка, Бетховен, Пушкин, Лермонтов, Шопен, Лев Толстой, Гарсия Лорка. Мировидение поэтов Кабардино-Балкарии как поэтов-мыслителей носит вселенский характер. Их поэзия – это гимн любви ко всему живому, всеобщая гармония Земли и Вселенной во имя существования человека.

Поэтический гений К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова – неотъемлемая часть мировой художественной культуры, ибо созданные ими произведения – это культурное достояние Человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байрамукова Н. М.* Кайсын Кулиев [Текст] / Н. М. Байрамукова. – М., 1975. – 248 с.
2. *Башиева С. К.* В оригинале и переводе. Литературно-критические статьи [Текст] / С. К. Башиева. – Нальчик, 1990. – 103 с.
3. Взаимодействие искусств в поисках образа мира: XX в. [Текст] / Под общ. ред. В. Г. Толстого. – М., 1998. – 288 с.
4. *Всадник чести.* Алим Кешоков: жизнь и творчество [Текст] / Сост. М. М. Хафицэ. – Нальчик, 2003. – 288 с.
5. *Гуртуев Э. М.* Похвала добродетели [Текст] / Э. М. Гуртуев. – Нальчик, 1989. – 150 с.
6. *Дементьев В. В.* Кавказская тетрадь [Текст] / В. В. Дементьев. – М., 1989. – 430 с.
7. *Дементьев В. В.* Кайсын Кулиев. Размышления о творчестве и о жизни [Текст] / В. В. Дементьев. – Нальчик, 1988. – 230 с.
8. *Дементьев В. В.* Поэзия – моя отрада [Текст] / В. В. Дементьев. – М., 1975. – 230 с.
9. *Дементьев В. В.* Со временем в ладу. Очерк жизни и творчества А. Кешокова [Текст] / В. В. Дементьев. – Нальчик, 1985. – 240 с.
10. *Дудин М. Н.* На пути к вершинам: В 2 т. – Т 1. [Текст] / М. Н. Дудин. – М., 1970. – 235 с.
11. *Кедрин Д. Б.* Стихотворения. Поэмы [Текст] / Д. Б. Кедрин. – М., 1987. – 147 с.
12. *Кешоков А. П.* Собр. соч.: В 4 т. [Текст] / А. П. Кешоков. – М., 1981. Т. 1. – 845 с.; Т. 2. – 607 с.; Т. 3. – 711 с.; Т. 4. – 494 с.
13. *Кулиев К. Ш.* Колосья и звезды [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1979. – 382 с.
14. *Кулиев К. Ш.* Покуда стоят горы [Текст] / К. Ш. Кулиев. – Нальчик, 1997. – 462 с.
15. *Кулиев К. Ш.* Завещание [Текст] / К. Ш. Кулиев. – Нальчик, 2000. – 58 с.
16. *Кулиев К. Ш.* Человек. Птица. Дерево [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1985. – 305 с.
17. *Кулиев К. Ш.* Будь самим собой [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1975. – 244 с.
18. *Кулиев К. Ш.* Земля и песня [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1995. – 130 с.

19. *Кулиев К. Ш.* Так растет и дерево [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1975. – 304 с.
20. *Кулиев К. Ш.* Талант и честность [Текст] / К. Ш. Кулиев. – Ростов н/Д, 1959. – 122 с.
21. *Кулиев К. Ш.* Мир дому твоему [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1966. – 204 с.
22. *Кулиев К. Ш.* Горы [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1975. – 245 с.
23. *Кулиев К. Ш.* Раненые камни [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1968. – 320 с.
24. *Кулиев К. Ш.* Поэт всегда с людьми. – М., 1987. – 324 с.
25. *Кулиев К. Ш.* Собр. соч.: В 3 т. – Т. 1 [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1987. – 324 с.
26. *Кулиев К. Ш.* Собр. соч.: В 3 т. – Т. 2 [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1987. – 328 с.
27. *Кулиев К. Ш.* Собр. соч.: В 3 т. – Т. 1 [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1976. – 556 с.
28. *Кулиев К. Ш.* Собр. соч.: В 3 т. – Т. 2 [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1977. – 541 с.
29. *Кулиев К. Ш.* Собр. соч.: В 3 т. – Т. 3 [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1982. – 560 с.
30. *Кулиев К. Ш.* Избранные произведения: В 2 т. – Т. 2 [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1970. – 320 с.
31. *Кулиев К. Ш.* Собр. соч.: В 3 т. – Т. 1 [Текст] / К. Ш. Кулиев. – М., 1987. – 324 с.
32. *Кулиева Э. Э.* Мой гений, мой ангел, мой друг... [Текст] / Э. Э. Кулиева. – Нальчик, 2002. – 253 с.
33. *Кязим.* Стихи. Поэмы [Текст] / К. Б. Мечиев. Сб. // Сост. М. Коглярова. – Нальчик, 2003. – 400 с.
34. *Лебедев М. М.* Русская советская литература периода Великой Отечественной войны [Текст] / М. М. Лебедев. – М., 1964. – 230 с.
35. *Мальбахов Б.* Средневековая Кабарда: Внутренние и внешние аспекты истории [Текст] / Б. Мальбахов. – Нальчик, 1994. – 352 с.
36. *Мейнус Ю. С.* Восемь стихотворений Кайсына Кулиева [Текст] / Ю. С. Мейнус. – М., 1986. – 44 с.
37. *Мечиев К.* Собр. соч. [Текст] / К. Мечиев. – Нальчик, 1984. – 145 с.
38. *Морозов А. И.* Из истории осмысления некоторых эмблем в эпоху Ренессанса и барокко. Миф, фольклор, реальность [Текст] / А. И. Морозов. – Л., 1987. – 143 с.
39. *Мусуманкулов А.* Персидско-таджикская поэтика [Текст] / А. Мусуманкулов. – М., 1989. – 128 с.
40. *Неретина С. С., Огурцов, А. П.* Время культуры [Текст] / С. С. Неретина, А. П. Огурцов. – СПб., 2000. – 344 с.

41. *Ольшанский И. Г.* Лексика, фразеология, текст [Текст] / И. Г. Ольшанский. – М., 1999. – 260 с.
42. Очерки по истории мировой культуры [Текст] / Под ред. Т. Ф. Кузнецова. – М., 1997. – 495 с.
43. Проблемы просвещения в мировой литературе [Текст]. – М., 1970. – 231 с.
44. Проблемы истории и теории мировой культуры [Текст] / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский. – М., 1974. – 183 с.
45. *Рассадин С. Ю.* Кайсын Кулиев [Текст] / С. Ю. Рассадина. – М., 1974. – 234 с.
46. *Сокуров М. Г.* Лирика А. Кешокова [Текст] / М. Г. Сокуров. – Нальчик. 1969. – 224 с.
47. *Твардовский А. Т.* Письма Кайсыну Кулиеву [Текст] / А. Т. Твардовский. – Нальчик, 1987. – 168 с.
48. *Толгуров Т. М.* Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа [Текст] / Т. М. Толгуров. – Нальчик., 1996. – 158 с.
49. *Толгуров З. А.* Движение балкарской поэзии [Текст] / З. А. Толгуров. – Нальчик, 1984. – 145 с.
50. *Толгуров З. А.* В контексте духовной общности [Текст] / З. А. Толгуров. – Нальчик, 1991. – 243 с.
51. *Толгуров З. А.* Формирование социалистического реализма в балкарской литературе [Текст] / З. А. Толгуров. – Нальчик, 1985. – 328 с.
52. *Тхагазитов Ю. Э.* Адыгский роман [Текст] / Ю. Э. Тхагазитов. – Нальчик, 1987. – 243 с.
53. *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С.* Кайсын Шуваевич Кулиев. Т. 3. [Текст] / Т. Е. Эфендиева. – Нальчик, 2000. – 546 с.
54. *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И.* Биография поэта [Текст] / Т. Е. Эфендиева. – Нальчик, 1997. – 550 с.
55. *Эфендиева Т. Е.* Кайсын Кулиев. Литературный портрет [Текст] / Т. Е. Эфендиева. – М., 1985. – 120 с.
56. *Эфендиева Т. Е.* Поэзия жизни [Текст] / Т. Е. Эфендиева. – Нальчик, 1977. – 164 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Поэзия Кабардино-Балкарии в контексте национальной художественной культуры XX в.	8
Глава 2. Проблемы новаторства в творчестве поэтов Кабардино- Балкарии	40
Глава 3. Художественно-философское осмысление картины мира в поэзии К. Мечиева, К. Кулиева, А. Кешокова	67
Заключение	90
Литература	92

Научное издание

Курманова Лейля Магомедовна
Эфендиев Фуад Салихович

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В КОНТЕКСТЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Заведующий редакцией В. Н. Котляров
Художник Л. Х. Габаева
Корректор Н. В. Римская
Компьютерная верстка И. А. Зайчуковской

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99

Сдано в набор 28.01.10. Подписано в печать 24.02.10.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 100 экз.

Издательство М. и В. Котляровых
360051, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19

ООО «Полиграфсервис и Т»
360000, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 162
Тел.: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru

